

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

3'2017

Казань 2017

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит один раз в три месяца

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим
научным направлениям: 07.00.00(исторические науки),
10.00.00(филологические науки),22.00.00(социологические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
член-корреспондент АН РТ **И.А.Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин),
Вашари Иштван, профессор (Будапешт),
Девлет Надир, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань)
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен)
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 30.06.2017.
Дата выхода в свет:
Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз.

Переводчик **И.Шакиров**
Компьютерная верстка **В.Левин**

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

© Коллектив авторов, 2017
© Академия наук РТ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 5 **Я.В. Пилипчук.** К вопросу о роли крымских татар в кампаниях Б.Хмельницкого в 1648–1649 г.
- 26 **Р.Ю. Почекаев.** Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М.Бекчурин, М.Аитов, И.Батыршин)
- 35 **Г.У. Соронкулов.** Парадигма «Восток – Запад» в мире Пушкина
- 40 **И.К. Загидуллин.** О проекте МВД по реорганизации Таврического магометанского духовного собрания 1861 года
- 49 **З.З. Рамеев.** Уральский ученый-тукаевед

ФИЛОЛОГИЯ

- 55 Из истории конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур»
- 58 **В.П. Хамидуллина.** Манкурты или русскоязычная литература как проблема
- 62 **М.И. Ибрагимов.** Национальные литературы как фактор формирования идентичности
- 65 **А.Ф. Галимуллина.** Образ Казани в творчестве Рауля Бухараева и Лидии Григорьевой
- 74 **Р.Ш. Сарчин.** Штрихи к творческому портрету Николая Алешкова
- 78 **А.Н. Набиуллина.** Культурные коды прозы И.Абузярова
- 82 **М.В. Небольсина.** Особенности образа священного дерева «тополь» в творчестве Рустема Кутуя
- 87 **Л.Ф. Самигуллина – Кассерта.** Современные американские паремии: национальный, интернациональный и глобальный феномен
- 92 **А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова.** Пространство в художественном тексте: к вопросу о передаче фоновых знаний при переводе
- 96 **И.А. Еникеев.** Особенности переводов татарской поэзии Р. Бухараевым

CONTENTS

HISTORY

- 5 **Y.V. Pilipchuk.** The role of the Crimean Tatars in the campaigns of B. Khmel'nitsky in 1648-1649
- 26 **R.Ju. Pochekaev.** Ole of Tatar-born Russian officials in study of state and law of Central Asian khanates (M.Bekchurin, M.Aitov, I.Batyrshin)
- 35 **G.U. Soronkulov.** The «East-West» Paradigm in the World of Pushkin
- 40 **I.K. Zagidullin.** The project of the Ministry of Internal Affairs for the reorganization of the Tauride Mohammedan Spiritual Assembly in 1861
- 49 **Z.Z.Rameev.** Ural Tukaedian Scientist

PHILOLOGY

- 55 Из истории конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур»
- 58 **V.P. Khamidullina.** Mankurts or Russian-language literature as a problem
- 62 **M.I. Ibragimov.** National Literature as a Factor of Identity Formation
- 65 **A.F. Galimullina.** The image of Kazan in the works of Ravil Bukharaev and Lydia Grigorieva
- 74 **R.Sh. Sarchin.** Barrels to the creative portrait of Nikolai Aleshkov
- 78 **A.N. Nabiullina.** Cultural codes of I. Abuzharov's prose
- 82 **M.V. Nebolsina.** Peculiarities of the Sacred Tree «Poplar» in the works of rustem kutuy
- 87 **L.F. Samigullina – Kasserita.** Modern american paremies: national, international and global phenomenon
- 92 **A.M.Galiyeva, E.F.Nagumanova.** Space in artistic text: to the question of background knowledge transference in translation
- 96 **I.A. Enikeev.** Translations peculiarities of the tatar poetry written by R. Bukharaev

К ВОПРОСУ О РОЛИ КРЫМСКИХ ТАТАР В КАМПАНИЯХ Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО В 1648–1649 г.

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук

В данном исследовании будут проанализированы взаимоотношения Крымского ханства с европейскими странами в 1648–1649 гг., в эпоху которая вошла в историю как Хмельниччина. Польская историография этого периода очень богата, поэтому в данной статье мы укажем только некоторые из польских исследований. Это книги Л.Подхородецки и Д.Колодзечи¹. Относительно взаимоотношений Гетьманщины и Запорожской Сечи существуют фундаментальные труды российских и украинских коллег². Задачей данного исследования является анализ взаимоотношений европейских стран с Крымом в 1648–1649 г.

Чтобы было понятно восприятие крымцами участия в войне на стороне крымцев, необходимо ознакомиться с изложением событий в их хрониках. Эти события изложены в хрониках Мехмеда Сенаи и Халим-Гирея. В 1647 г. Б.Хмельницкий был с дипломатической миссией в Крымском ханстве, а в 1648 г. Тугай-Бей выступил на стороне казаков. Мехмед Сенаи, стараясь оправдать оказание помощи казакам, говорил, что Милниски дружелюбно относился к исламу и хотел принять эту религию. Сообщалось, что казаческие послы жаловались на гнет поляков, а Ислам-Гирей III обещал оказать им помощь, пускай

просители и христиане. Упомянулось, что реестровые казаки казнили своих польских командиров. Сообщалось, что Тугай-бей после 17-дневной блокады разгромил поляков. Тут как мы можем догадаться рассказ шел о битве под Желтыми Водами. Ислам-Гирей III приказал казакам ждать подхода ханского войска в местности Анкил (Ингул). Также сообщалось, что татары разбили войска польских гетьманов Калиновского, Сенявского и других. Сообщалось, что простые воины были казнены, а гетьманы попали в плен. За Сенявского было выручено 40 тыс. золотом. Переговоры по его выкупу вел Тугай-бей. Сообщалось, что польское войско находилось в Белой Церкви и что казаки опустошили все вокруг. Татарское войско жгло и захватило многие вражеские города. Крымцы взяли польскую крепость Животов и увели оттуда 3 тыс. пленных. После рейда на Киевщину и Подолье хан возвратил свое войско к Ферах-Керману³.

Мехмед Сенаи сообщал, что когда крымцы находились около замка Озавиский и крепости Сале к ним прибыл Б. Хмельницкий с 10 тыс. войска. Казаки были щедро одарены дорогими одеждами. После этого они двинулись на главный город польского короля Ильбав (Львов). Сообщалось, что татары с четырех

сторон напали на город, уничтожили дворец короля, костелы, рынки и базары. В то же время Тугай-бей и Б. Хмельницкий окружили крепость Соколов (Сокаль). На протяжении 3–4 дней продолжались ожесточенные бои, уничтожались паланки и села, а небо от огня стало черным. Внутренний замок Львова был хорошо укреплен и Кырым-Гирей сам командовал его окружением. Брат Тугай-бея Султан-Гельди-мирза тем временем совершил нападение на земли в направлении Кракова, бей ширинов двинулся в район реки Днестр, Адиль-Гирей и Осман-мирза двинулись в иные края. Сообщалось, что защитники Львовского замка согласились дать за себя 2000 тыс. золотых контрибуции. Посоветовавшись с ханом и получив от него согласие казаки и татары отступили. Деньги у замка получил Периш-Ага. Возвращаясь из похода крымцы прошли землями Богдан (Молдавии) и Эфлак (Валахии). Молдаване дали много ценных подарков и продовольствия, а валахи от страха вручили большую казну татарам⁴.

Третий общий поход крымцев и днепровских казаков произошел в 1649 г. Послы от казаков сообщали, что польский король прибыл в Львов, а польские лагеря находились у крепости Бар. Татары выдвинулись через Саксагань к Днепру, куда прибыли с уверениями в верности послы Б. Хмельницкого. Оттуда они двинулись на крепость Буке и пересекли реку Синя Вода. Крымское войско двигалось через поселения Ташлык, Животов Ва-

сильков и Махновку к крепости Острог. Потом крымцы прибыли к Староконстантинову, а часть из них выдвинулась вместе с казаками к замку Каманиче (Камянцу-Подольскому). После этого, татары получив сведения от пленных поляков, что польское войско находится в Збараже, решили идти ему навстречу. Упоминалось, что в сражении под Збаражем умер Азамат-бей (сын храброго Гази-бея). Упоминалось, что в войске противника находились поляки и австрийцы, и отмечалось, что крепость была укреплена ними. Отмечено, что польская конница напала на днепровских казаков и хан направил войска Мурад-Гирея на помощь украинцам. Сообщалось, что многие польские всадники погибли от сабель тюркских воинов. Указывалось, что когда татары отходили, то воины из польского лагеря сделали вылазку. Воины Субхан-гази вынудили бежать поляков в укрепления. Отмечалось, что крымцы обстреливали врагов и с огнестрельного оружия Поляки предлагали плату за мир. Посол Комар предлагал выплату упоминков за пять лет, однако казаки и крымцы продолжали сражаться. Крымцы также находились в районе крепости Тернополь. Польское войско Яна-Казимира выдвинулось из района города Броды в район битвы и было окружено со всех сторон крымцами и король попросил мира. Крымцы предложили полякам заплатить хану 200 тыс. грошей золотом или деньгами, которые называют реал. Также деньги должны получить 40 тыс. каза-

ков. Кроме того, поляки каждый год должны были отдавать крымцам упоминки. Поляки заплатили 30 тыс. реалами и 200 тыс. талеров. Вишневецкий, Конецпольский и Фирлей, чтобы выбраться из Збаража дали 40 тыс. реалов. Татарам было передано 40 тыс. грошей. Ислам-Гирей III из этой контрибуции раздал много денег. Также за эти деньги были отремонтированы замок в Феррах-Кермене и джами в Гезлеве. Когда хан вернулся из похода, к нему поступила дань от польского короля, а также были подарки от Молдавии, Валахии, Эрделя (Трансильвании). Прибывали послы из Австрии и Швеции, пленные и дань из Черкессии и Дагестана⁵.

Халим-Гирей сообщал, что до избрания ханом Ислам-Гирей III долгое время находился в плену у поляков. Он указывал, что ходил на поляков. Вероятно под этим упоминанием скрывается неудачная для крымцев битва под Ахматовым в 1644 г. Также сообщалось, что он воевал с поляками и нанес им поражение (битва при Желтых водах). Сообщалось, что поляки заплатили дань в 200 тыс. золотом и 80 тыс. реалами (дань, даваемая польским королем). Также они обязались платить ежегодный налог и дарить дары. Указывалось, что Ислам-Гирей всегда возвращался с победой и благодаря его таланту казна серьезно пополнилась⁶.

В поэме Джан-Мухаммеда прославлялся Ислам-Гирей III и его полководец Сефер-Гази. Тугай-бей был одним из карачи-беев. Крымс-

ко-татарский автор упоминал, что польский король хотел двинуться на запорожцев и считал, что это прекрасное время, чтобы покорить Крымское ханство. Говорилось, что в этой войне ему помогут немцы, русские и французы. Потоцкий предложил отложить войну с крымцами на год, а тем временем разгромить запорожцев. Мелеске по решению казачьего круга обратился по помощь к крымцам. Запорожцы прибыли в Феррах-керман и местный правитель двинулся с запорожскими послами к хану, который с радостью принял казаков и обещал им помощь. Ислам-Гирей назначил Тугай-бея полководцем крымского войска, которое должно было присоединиться к Хмельницкому на Днепре. Сообщалось, что он победил поляков и младшего Потоцкого и старшего Потоцкого. Татары взяли и опустошили много крепостей и сел, а знатные поляки попали в плен. Также сообщалось, что татары вместе с казаками захватили крепость Аблав. Тугай-бею поляки заплатили 40 тыс. золотых, а также 40 возов золотых и серебряных вещей⁷.

Турок Мустафа Наима сообщал, что гетьман днепровских казаков обратился за помощью к Сефер-Гази, сообщая, что 150 тыс. поляков придут в Украину. Указывалось, что крымцы прошли поселения Френ-хан и Хендек, переправились через Днепр у переправы Бильмерур-диван и форсировал Турлу (Днестр). Польский король, находившийся в поселении Данку, начал убегать и укрылся в паланке

под названием Озудже у крепости Хотин. Поляки находились в окружении и голодовали. Король через некоторое время попросил у Сефер-Гази мира. Некоторые крымские полководцы желали далее воевать с поляками, пользуясь сложным положением короля в окружении, но хану приписано желание помиловать их. Сефер Гази выдвинул к полякам ряд требований, в частности, они должны были платить ежегодную дань, двух панов передать как заложников хану, не вредить стране казаков, предоставлять крымскому хану помощь против его врагов, не нападать на страны, которые находятся под защитой хана⁸.

В тексте Мустафы Наимы спутаны реалии Хотинской войны и освободительной войны украинского народа. Кроме того, в крымско-татарских и турецких хрониках выпячивается роль крымского хана, а казакам отведена второсортная роль. Они смотрели на события 1648–1654 гг. через призму крымских интересов, которые состояли в поддержке Б.Хмельницого и ослаблении Речи Посполитой. Хан таким образом хотел добиться от Речи Посполитой возобновления уплаты упоминков, а также выплаты выкупов за пленных польских магнатов и шляхтичей. Кроме того, он добивался контрибуции. Б.Хмельницкий пошел на союз с татарами, чтобы не повторить судьбу прошлых казаческих восстаний, в которых запорожцы почти всегда терпели поражения. Участие крымцев в битвах при Желтых Водах и Корсунем хорошо

задокументировано украинскими и польскими источниками. Сам Б.Хмельницкий в юности попал в плен к татарам и понимал их язык. По крайней мере, он был тесно связан с Тугай-беем, которого казачий гетьман называл своим братом. Помощь татар с их легкой конницей позволила вести наступательную войну, ликвидировав преимущество противника в мобильности. Действия орды, которую возглавлял Тугай-бей, вынуждали поляков обороняться в лагерях и отступать. Ислам-Гирей вторгся в владения Речи Посполитой уже после Желтоводской и Корсунской битв, опустошив Подолье и юг Киевщины. С этих земель крымский хан взял большой ясырь. Поход хана позитивно повлиял и на исход битвы под Пылявцами, когда посполитое рушенье обратилось в бегство при одном слухе, что на них идут татары во главе с ханом. Во время этой битвы при казаческом войске присутствовало всего несколько тысяч буджакских ногайцев Аллает-мирзы и Кантемир-мирзы, а хан после похода возвратился в Крым. Поход Б.Хмельницкого на Западную Украину был поддержан незначительными силами крымцев Тугай-бея, которые участвовали в осаде Львова и Замосця. Поход крымцев на поляков был обусловлен информированностью о планах уничтожения Крымского ханства среди польской интеллектуальной и политической элиты. Эти планы были широко известны даже в Стамбуле. Не исключено также, что крымцы хотели получить реванш

за поражения от поляков в 20–40-х гг. XVII в. Естественно крымцам было не чуждо обогатиться за счет взятия в плен знатных пленников, грабежей имущества в взятых городах и селах, а также у побежденных шляхтичей. В 1649 г. в битве под Зборовым и Збаражем принял участие сам хан Ислам-Гирей III и поляки оказались под угрозой полного уничтожения украинцами и крымцами. Это вынудило короля пойти на переговоры⁹.

В немецкой хронике «Театр Европы» отмечалось, что в 1648 г. Б.Хмельницкий разбил поляков под Корсунем и отдал их в неволю к татарам. Автор описания не упоминал о действиях крымцев, а только описывал свершения казаков. Француз Жан-Бенуа Шерер сообщал, что в 1648 г. Б.Хмельницкий убедил хана оказать ему помощь. При описании битвы под Корсунем сообщалось, что вместе с 8 тыс. казаков сражались 6 тыс. татар, которые выкрикивали боевые кличи. Они разгромили польское войско, а Потоцкий с другими панами попали в плен к татарам. Француз также сообщал, что казаки и татары в городе Пилявка захватили польский лагерь и богатства. Гаспар де Тандра сообщал, что Хмельницкий, вступив в сговор с татарами, разбил польские войска, которые охраняли границы Польши. Битва под Пилявцами датирована им 29 сентября 1648 г. Сообщалось, что поляки собрали огромное войско, но оно было неопытным и собранным из различных людей. Когда казаки начали стрелять из пушек, полякам

показалось, что прибыл сам хан, и они бросились бежать. Казаки взяли польские обозы, и уже потом прибыло татарское войско, которое рассеялось по всему королевству, разоряя его земли. Казаки и татары подступили к Львову, взяли замок, но были остановлены в городе. Отмечалось, что жители города откупались. Татары отступили, опустошая местности вокруг города. Из-под Львова татары вернулись к себе. Поль Шевалье сообщал, что Хмельницкий вошел в союз с татарами Тугай-бея. Сообщалось, что всего 4 тыс. поляков в первой битве были легко побеждены казаками и татарами. Второе польское войско, узнав о поражении первых отрядов и том, что с Хмельницким идут татары, решили отступить от Борисфена, но были нагнаны казаками и татарами. Узнав от пленных казаков информацию о 40 тыс. татар польские командующие решили отступить, но попали в засаду в лесу около Корсуна и были разбиты¹⁰.

Европейцы отстранено наблюдали за событиями в Речи Посполитой. Немец и французы отмечали, что казаки, восставшие против поляков нанесли им ряд тяжелых поражений. При этом они отмечали, что поляки панически боялись татар. Европейцы опрели традиции не говорили о большом войске татар, как это было обычно для них.

Также необходимо обратить внимание на сведения украинских и источников. В украинской анонимной летописи 1650 г. сообща-

лось, что на Желтой Воде казаки вместе с татарами были заодно и взяли в плен Потоцкого и Сенявского. Сенявский сразу же выкупился, а Потоцкий был выкуплен в 1650 г. Калиновский же был казнен. В записях Львовского кармелитского монастыря сказано, что в 1648 г. Хмельницкий во главе с казаками и 60 тыс. орды разбил польское войско под Пылявцами, а потом пришел подо Львов. Первые отряды татар появились в предместье 5 октября, а 9 октября около костела львовяне сражались с казаками и татарами. Мостыцкий летописец отмечал, что под Корсунем Б.Хмельницкий разгромил поляков и много из солдат попали в татарскую неволю. Отмечалось, что казачий гетьман, объединившись с татарами, пришел под Львов. Феодосий Софонович сообщал, что в 1648 г. казаки с татарами около Желтых Вод в Княжем Байраке разбили поляков, а потом в битве под Корсунем взяли в плен многих поляков. Под Пылявцами на помощь к Б.Хмельницкому прибыло 6 тыс. татар, но был запущен слух, что на помощь гетьману идет сам хан. В Летописце Дворецких указано, что под Желтыми Водами Б.Хмельницкий победил Шемберка и Потоцкого, а все польское войско в плен было взято татарами. 24 апреля 1648 г. гетьман снова разбил поляков и отдал татарам в плен Потоцкого, Калиновского, Одриволского, Сенявского татарам Тугай-бея. Летописец сообщал, что под Пылявцами на помощь казакам пришел Карач-бей и, что татары

доходили до Замосця. В Черниговской летописи было сказано, что Хмельницкий примирился с татарами в 1648 г. и вместе с Ордой разбил младшего Потоцкого на Желтых Водах, а Потоцкого и Калиновского отдал в плен Тугай-бею после победы под Корсунем. В Львовской летописи сказано, что в 1648 г. Б.Хмельницкий вместе с татарами воевал против Потоцкого и Калиновского. Отмечалось, что под Пылявцами поляки испугались большого количества восставших и татар. Б.Хмельницкий преследовал поляков до самого Львова. И.Вишневецкий убежал в Замосць. Львов мужественно защищался. Возвращаясь из Галичины татары взяли большой ясырь. Летописец сообщал о смерти Тугай-бея от чумы. В Хмельницкой летописи сказано, что в 1648 г. татары убили Ивана Малынина, а до того Б.Хмельницкий отдал в плен гетьманов Потоцкого и Калиновского. Пан Сенявский откупился за более чем 100 тыс. талеров. Отмечалось, что под Пылявцами татары оказали помощь казакам. В Записке Мужилковского отмечалось, что татары занимали выжидательную позицию в конфликте казаков с поляками, и когда украинцы начали побеждать, то им и помогли. Отмечалось, что под Пылявцами казакам помогла Орда Белгородская (Буджакская Орда), а гетьман пошел с ханом на Львов. Говорилось, что хан с Тугай-беем привели под Пылявцы 100 тыс. Когда крымцы были под Львовом, то они распустили чамбулы под Краков и Люблин и были

даже за Вислой. В Лызогубовской летописи отмечалось, что казаки с татарами не смогли взять Збараж, но взяли контрибуцию с Львова и подошли к Замосцю. Сообщалось, что султан приказал хану оказывать помощь украинскому гетьману. В Межигорской летописи сообщалось, что в 1648 г. Б.Хмельницкий в союзе с татарами изгнал поляков из Украины, вместе с татарами под Желтыми водами и под Корсунем их разбил и много поляков отдал в татарскую неволю¹¹.

Самовидец отмечал, что Б.Хмельницкий отправил своего посла к хану, а из Крыма к нему прибыли на Сечь мирзы. Хан обещал отправить на помощь гетьману Тугай-бея. При описании битвы под Желтыми Водами указывалось, что татары и казаки сражались вместе, и, что польские паны попали в татарскую неволю. Также отмечалось, что около Корсуня татары и казаки в лесу около Росавы разбили поляков. Крымцы взяли в плен двух польских гетьманов, много панов, а также их имущество. Самовидец сообщал, что казаки пришли в большой силе к Староконстантинову и сражался с поляками под Пылявцами. Сообщалось, что к нему на помощь пришло много орды. Войско запаниковало и было разгромлено, убегая к Староконстантинову, многих панов было взято в плен, а простых воинов татары вырезали. После этого казаки и татары вышли к Львову. Предместья были разорены, и только сам город откупился, дав выкуп Б.Хмельницкому и крымцам¹².

В Летописи С.Вельчко указано, что сам Б.Хмельницкий прибыл в Крымское ханство и ему выделили квартиру в Бахчисарае. Отмечалось, что хан знал украинский язык. Ислам-Гирей до конца не доверял ему, подозревая, что поляки сами послали Б. Хмельницкого, чтобы выманить крымцев и начать войну. Ислам-Гирей советовался со своими мирзами, однако его убедила клятва казачьего вождя проведенная по татарским обычаям. Отмечалось, что после этого ханское окружение пообещало ему свою помощь. Крымцы согласились на союз еще потому, что имели претензии к полякам по поводу долгов, то есть упоминков. Сам Б.Хмельницкий был щедро одарен ханом. Хан приказал Тугай-бею во главе 4 тыс. татар оказывать помощь казакам. Как заложник в Бахчисарае был оставлен Т.Хмельницкий. Казаки на Сечи перешли на сторону Б.Хмельницкого, а татары были отправлены выше по течению Днепра, чтобы недопускать польских лазутчиков на Сечь. Через некоторое время крымцы и казаки двинулись на Желтые Воды. 5 мая состоялось первое столкновение украинцев и крымцев с поляками С.Потоцкого. Потеряв полтысячи воинов С.Потоцкий отступил в лагерь. 8 мая Б.Хмельницкий одержал решительную победу и много поляков попало в плен к крымцам и были доставлены как невольники в Крым. После победы гетьман щедро одарил Тугай-бея за его свершения в бою. Поляки под руководством Потоцкого

и Калиновского узнали о судьбе войска Потоцкого-младшего и начали отступать в район Корсуня, где и были застигнуты войсками Тугай-бея и Б.Хмельницкого. 16 мая поляки были целиком разгромлены. 60 знатных поляков и 8 тыс. рядовых вместе с Тугай-беем были отправлены в Крым. Гетьман отправил в Крым письмо хану. Он сообщил, что благодарит за помощь, отправлял к нему Потоцкого и Калиновского, просил отправить на помощь несколько тысяч татар, поскольку против него уже собирают поляки войска, а Тугай-бея он уже отпустил. В конце июня около Белой Церкви Тугай-бей встретился с Б.Хмельницким, двинулся через Паволочь до Староконстантинова, где уже взял Бар М.Кривонос. С.Вэлычко занизил количество казаков пришедших под Пылявци и сообщил о 5 тыс. Тугай-бея¹³.

Г.Грабянка сообщал, что Б. Хмельницкий отправил к Ислам-Гирею посла. Однако хан не смел воевать против поляков и отправил в помощь казакам мужественного Тугай-бея, который не всегда соглашался с ханом. Сообщалось, что татары перехватили посланца С.Потоцкого к отцу. В бою, который завязался в Княжем Байраке, крымцы захватили в плен Сапегу и Шамберка. Отмечалось, что в битве под Корсунью сначала казаки и крымцы не смогли разгромить поляков, поскольку те были в окопах. Однако Б.Хмельницкий дезинформировал врага, сообщив через подставного языка о том, что Тугай-бей подходит с войском в 50

тыс. Во время отступления поляки попали в засаду в лесу и были разгромлены. Татары захватили в плен двух гетьманов – Потоцкого и Калиновского, а также других знатных поляков – Казановского, Одривольского, Балабана, Бекчановского, Хмелецкого, Комаровского, Яскольского, Ковальского и других. Под Пылявцами поляки и казаки не смогли добиться реального успеха. Б.Хмельницкий использовал метод психологической войны. При нем было несколько тысяч татар Карач-бея. Несколько тысяч казаков гетьман приказал одеть в татарскую одежду, стараясь изобразить прибытие подкреплений. Это испугало поляков и они решили панически отступить¹⁴.

Среди украинских летописей необходимо выделить две группы. Казачьи и близкие им летописи из Левобережной Гетьманщины минимизируют роль крымцев в общем успехе кампании 1648 г. и по возможности стараются не упоминать о действиях татар вместе с Б. Хмельницким на Западной Украине. Летописи из Галичины и Правобережной Украины вкратце рассказывают про события 1648 г. и отмечают важность присутствия в войске Б.Хмельницкого татар. Из их сведений мы узнаем о событиях на Западной Украине.

В анонимной польской летописи сообщалось, что под казачья война началась в 1647 г. и, что войско поляков разгромила орда Калиновского и Потоцкого было взято в плен под Корсунем в 1648 г. Отмечалось, что Речь Посполита

отправила против Б.Хмельницкого гетьмана Д.Острожского, который был разбит под Пылявцами татарами и казаками¹⁵.

В польском летописном известии сказано, что Б.Хмельницкий с помощью татар разбил войска гетьманов Конецпольского и Вишневецкого. В одном из анонимных польских летописных сообщений сказано, что казаки-изменники объединились с татарами при помощи Б.Хмельницкого. В поэме «Шляхтич шляхтичу о казачьей войне» автор сообщал, что татары хотят избавиться от турецкого ярма и воюют с поляками. В «Жалобной песне» польский шляхтич сообщал, что Хмельницкий пригласил под Пылявцы татар. В польской анонимной летописи 1689 г. под 1648 г. сообщалось, что 26 того месяца татары и казаки разгромили двух гетьманов и продали их в плен. В польской хронике внесенную в фамильную книгу Острожских сообщалось похожие данные. Самуэль Грондский писал, что обиды, которые причинили поляки православным, и нежелание воевать с турками обусловили восстание. Отмечалось, что сам С.Концепольский во главе 4 тыс. поляков напал на Татарию и освободили ясырь. Указывалось, что после того как Чаплинский напал на Субботов, Б.Хмельницкий двинулся в Сечь и задумал привлечь на помощь крымцев и послать к ним послов, поскольку в одиночку противостоять полякам невозможно. Получив послание Б.Хмельницкого татары с большей радостью согласились

на поддержку казаков. Под Пылявцы подошли сами казаки, а потом И.Вышневецкий сообщил полякам Д.Острожского, что татары в нескольких днях пути и необходимо атаковать казаков. После начала битвы сторожевые сообщили, что передовые отряды крымцев уже близко. Среди поляков распространились слухи, что на помощь казакам идет сам хан. Сведения о приближении татар И.Вышневецкий хотел использовать для того, чтобы командование передали ему, однако это привело к бегству польского войска. Войска же И.Вышневецкого отступали организовано, а татары и казаки потеряли время на разграбление польского обоза¹⁶.

В Анонимном польском примечании от ноября 1648 г. сообщалось, что Б.Хмельницкий заключил союз с татарами и что под Желтыми водами они взяли большой ясырь. О битве под Корсуном сообщалось, что двух гетьманов татары забрали в плен. При описании Пылявецкой битвы сообщалось, что поляки бросились бежать, услышав о том, что им навстречу идет большое татарское войско. В «Терминате» М.Голинского упомянуто, что Б.Хмельницкий привел на поляков татар. В «Рифмованной хронике», что под Пылявцами Б.Хмельницкий сражался с поляками и причинил много беспокойства отрядам И.Вишневецкого и полякам стало известно, что казакам на помощь идет хан. Хронист верил, что результат битвы решил подход 100 тыс. татар и что их передние отряды смяли польскую пехоту и скоро все

войско бежало к Староконстантинову. Отмечалось, что гетьман и хан прибыли под Львов и что гарнизон города делал вылазки и обстреливал врага из артиллерии. Кроме того, говорилось, что казаки и татары в набеггах до Вислы доходили. Но потом хан с войском решил отойти назад, а в Речи Посполитой был избран новый король. Возвращаясь казаки и татары попробывали взять Сокаль, но не смогли. Ольбрахт Станислав Радзивилл считал, что весной 1648 г. на помощь казакам было отправлено 40 тыс. татар самим ханом, а как залог верности отдал заложниками нескольких своих людей. После битвы при Корсуне в плен к татарам попали Чарнецкий, Сапега и Потоцкий. Пользуясь успехами казаки и крымцы рассеялись по Киевщине аж до Белой Церкви. В июне 1648 г. крымский хан требовал упоминков, требуя, чтобы они были выплачены за прежние годы, иначе он опустошит королевство. Литовский гетьман упоминал, что при Б.Хмельницком был мирза. В конце июля 1648 г. Б.Хмельницкий начал новый поход вместе с ханом, который взял много людей в плен. В сентябре 1648 г. прибытие нескольких тысяч крымцев лишило поляков энтузиазма для войны с казаками. Литовский гетьман не стараясь скрывать причины поражения писал, что поляки перепились, а потом струсили и панически бежали, а Львов был не взят только из-за уплаты контрибуции. В ноябре, по сведениям литовца, краковский воевода говорил о татарах под Сандомиром¹⁷.

Иоахим Ерлич сообщал, что 26 мая казаки и татары между Корсунем и Черкасами разбили кварцаное войско Потоцкого и Калиновского. Сообщалось, что с Хмельницким шел какой-то мирза из Белгородской Орды (Буджака) с 60 тыс. войска. Говорилось, что он же сына Потоцкого под Желтыми водами разбил. Отмечалось, что татары 31 мая пришли на польские земли и были у Радомышля, Брусилова, Котельни, Паволочи. Е.Голуб из-под Брусилова напал на крымцев и отбил ясырь. Под 23 сентября 1654 г. хронист описывал, что воевода Киевский и магнат Заславский как только увидели при казаках татар начали убегать и бросили свой обоз. 24 ноября к Львову подступили казаки с татарами и были там несколько дней, пока львовяне не заплатили контрибуцию¹⁸.

Веспасиан Коховский кратко в общих словах писал о первых победах татар и казаков. Он указывал, что к Хмельницкому на помощь идет орда из 40 тыс. с Тохим (Тугай-беем) и Широю (Ширин-беем). Причиной поражения под Пылявцами названо безначалие, говорилось о прибытии Хмельницкого под Львов и пребывании его войска. Говорилось, что татары остановились в Леснице и что Хмельницкий взял контрибуцию с Львова¹⁹.

В «Краткой истории о бунте Хмельницкого» говорилось, что после инцидента с Чаплинским Хмельницкий бежал на Запорожье, а оттуда в Крым. Он получил от хана поддержку и 7 тыс. воинов.

Через некоторое время в Черкассы к Потоцкому пришло известие, что его сын окружен под Желтыми Водами. Через некоторое время прибыли казаки, а поляки от специального присланного пленника узнали, что казаков много, а на помощь им идет 50 тыс. татар. Отступая, поляки наткнулись в лесу на засеки, и были окружены. Многие знитные паны попали в неволю к татарам. Спасся из окружения только отряд Крыцинского. Хмельницкий под Белой Церковью соединился с отрядом татар, который насчитывал более 15 тыс. Татары в набегах доходили до Горыни. Под Пылявцами было только 4 тыс. татар, а также казаки переодетые татарами, которые кричали Гала, то есть Аллах. Польское войско пришло в смятение и панически разбежалось²⁰.

Интересно как отображалось участие татар в кампании 1648 г. в документах. 4 мая 1648 г. Н.Потоцкий был в курсе, что Тугай-бей с сильной ордой сражаться с поляками у Желтых Вод. Неизвестный польский шляхтич в письме от 9 мая писал, что Хмельницкий советовался с татарами и нанял всю орду, обещал отдать им всю Украину до Белой Церкви. Силы татар оценивали в 30 тыс. Сообщалось, что гетьман уже послал в Крым за подмогой. В сообщении от 13 мая сообщалось, что нет надежды увидеть уже тех, кто были на Желтых водах, а Бендерский ага требует от местных татар идти навстречу хану к Южному Бугу. Отмечалось, что татары могут пойти Кучманским путем. В письме

Н.Потоцкого М.Лубенскому от 17 мая уже заметна паника. Говорилось о 100 тыс. татар во главе с ханом. Сообщалось, что турки и татары уже в Польше (то есть в Речи Посполитой), но идут не вместе с казаками²¹.

Для польских хроник при описании событий 1648 г. победы казаков объяснялись участием в их войсках отрядов татар. Отмечалось, что татары с радостью откликнулись на предложение Б.Хмельницкого. В качестве оправдания позорного Пылявецкого поражения выдвигались предположения о многочисленном татарском войске. Однако польские хронисты были достаточно честными для того, чтобы признать факты поражения в нескольких битвах и не оправдывать это только влиянием татар. Они признавали за своими полководцами часть вины.

Отдельно необходимо рассказать о кампании 1649 г. Особенно интересны сведения польских хронистов. В польской анонимной хронике от 1673 г. сообщалось, что в 1649 г. казаки осадили в Збараже Фирлея и Лянцкоронского, а также И.Вишневецкого и С.Конецпольского. Под Зборовом татары окружили Казимира и тот пошел на переговоры. В «Жалобной песне об Отчизне» была сделана попытка делать хорошую мину при плохой игре. Сообщалось, что польские солдаты мужественно сражались под Збаражем и вынудили отступить крестьян и татар, а под Зборовым войско короля, мужественно сражаясь, вынудило

хана к переговорам и хан относился к королю как к брату, а Хмель ему челом бил. Искусственность этой картины открывается в маргинальной надписи 1649 г. Отмечалось, что тот год был плохим для поляков. Сообщалось, что на один волос от гибели было королевское войско под Зборовым и 14 тыс. в Збараже. В анонимной польской хронике от 1649 г. говорилось, что казаки и татары осадили Збараж, а под Зборовым сражались с королем. В ясырь было забрано 60 тыс. чел. В сборнике М.Голинского отмечалось, что против поляков пришло 300 тыс. татар и 100 тыс. казаков, а в Збараже против них оборонялось 11 тыс. поляков во главе с королем на протяжении семи недель. В Мостыськом летописце сообщалось, что И.Вишневецкий с 15 тыс. оборонялся в Збараже и Хмельницкий с его многотысячным войском не смог ничего с ним сделать, а под Зборовым он окружил войска короля, но тот пошел на переговоры с ханом. По договору и королевское войско, и отряд Вишневецкого смогли спастись, а хан и гетьман вернулись к себе. По сведениям «Рифмованной хроники» война 1649 г. началась с польского нападения на Подолье. После сражений в этом регионе гетьман решил собрать войска и пригласил хана в поход. Через некоторое время у Збаража появились авангардные войска татар, а потом казаков. Подошли основные силы и отмечалось, что в конных поединках поляки разбили крымцев, а при штурме города поляки и немцы отбросили

казаков. Сообщалось, что отряды Небабы были обращены в бегство и украинцы потеряли многих, а И.Вишневецкий проявил себя как полководец с другими польскими панами. Поляки пробовали договориться с Сефер-Гази, но тот высокомерно отвечал. Король же подошел к Зборову, но был так стиснут казаками и татарами, что был прижат к стенам Зборова. Отмечалось, однако, что поляки потом потеснили татар и многих их положили, и причиной неудачи была малочисленность поляков. Говорилось о перемирье и, что, отступая, татары опустошали села и городки, захватывая людей в ясырь, особенно на Подолье²².

Ольбрахт Станислав Радзивилл сообщал, что в феврале 1649 г. поляки заключили мир с татарами, а в июне 1649 г. Б.Хмельницкий отправил послов к хану, чтобы позвать крымцев на подмогу. Он сообщал баснословные данные о 150 тыс. казаков. Литовский гетьман отмечал, что казаки у Лоева хотели использовать прием психологической войны, крича «Алла», то есть Аллах, но были разбиты литовцами. Под ноябрем сообщалось, что король достиг согласия с крымцами и украинцами. Самуэль Грондский сообщал, что И.Вишневецкий был окружен в Збараже. Относительно войска татар, то хронист был на поводу у слухов. Он указывал, что даже у Тамерлана не было войска большего, чем у крымского хана. Король пришел на помощь, около Зборова татары напали на задние ряды королевского войска, которы-

ми командовал князь Корецкий. От первого же наскока погибло 4 тыс. пехоты и татары пробрались к королевскому лагерю, но поляки смогли отбросить врага и стали лагерем из возов. Канцлер провел переговоры с татарами и достиг их нейтралитета и потом заключили мир в Зборове. В Панегерике И.Вишневецкому действия под Збаражем представлены как его победа над татарами и казаками²³.

Иоахим Ерлич указывал, что в июне 1649 г. пришел хан с большим войском на помощь Хмельницкому, а И.Вишневецкий укрылся в Збараже. Сообщалось также, что к Зборову подошло коронное войско. Говорилось, что врагов было 600 тыс. Сказано, что 9 августа без казаков между ханом и королем был подписан договор в Зборове по которому поляки возобновляли выплату упоминков и обязывались их выплатить за несколько лет в сумме 200 тыс.²⁴

Веспасиан Коховский указывал, что хан добровольно присоединился к войску Хмельницкого. На помощь казакам пришло 100 тыс. татар. Говорилось, что в составе их войска были и черкесы и турки. В начале июля на отряд Сераковского напали татары. И.Вишневецкий и Конецпольский атаковали татар в поле, но через некоторое время отступили в Збараж, пока в Зборов не пришел король с войском. Сначала король не увидел татар, а Хмельницкий быстро отреагировал, отправив половину войска и татар против коронного войска. Ян-Казимир ощутил на своем

войске неожиданное нападение. Но вскоре к обозу подошли отряды Оссолинского и Сапеги. Битва была настолько ожесточенной, что под Сапегой и Витовским было убито коня, а Оссолинский и Залуский погибли в битве. Короля выручила отвага пана Ковальского и немца Хувальда. Татары около полудня хотели выманить поляков на поединки, но это им не удалось. Ханская гвардия напала на отряд Любомирского, левое польское крыло прогибалось под давлением татар. Ситуацию исправила контратака немецкой пехоты и кавалерии Яна-Казимира. На третий день татарские мирзы ударили на правое крыло Оссолинского старшего. После ожесточенного боя татары отступили, оставив своих погибших не погребенными. После этого наступило время для переговоров. Хан не допустил разгрома королевского войска. Он и Хмельницкий написали хану свои требования, на что польский правитель вынужден был согласиться. Правда, Оссолинский вместо включенного везирем термина харадж предпочел упомянут привычные дары (упоминки)²⁵.

В «Краткой Истории о бунте Хмельницкого» сказано, что 10 июня поляки дали бой татарам и казакам. Отмечалось, что поляки отбили нападение казаков и татар. Очень сильно пострадал авангард польского войска, который возглавлял Фирлей, и только ночь не дала его разгромить. Хмельницкий обещал хану, что возьмет польский лагерь, но отряд Фирлея умертвил много татар, которых было как са-

ранчи. Через некоторое время на переговоры с поляками пошел Сефер-Каф-ага, но поляки татарам не доверяли, и пять дней татары нападали на польский лагерь. Везирию приписывались похвальные слова И.Вишневецкому. Крымскому хану приписывались гневные слова, что, мол, гетьман обещал населить Крым поляками (то есть взять многих в плен и отдать хану в ясырь), но если он не исполнит сего обещания, то пускай готовится, что сам с казаками населит Крым. Сообщалось, что казаки и татары ночью произвели сильный штурм, которые, впрочем, поляки отбили, потеряв при этом много храбрых знатных шляхтичей. Из окруженного лагеря некто Скшетуский пробрался сквозь окружение в Польшу и рассказал королю о сложном положении. Польский король пришел к Зборову, намеренный деблокировать Збараж. Отмечалось, что Хмельницкий и хан обрушились на войско и истребили артиллеристов с пехотинцами. На помощь обозу пришли отряды Сапеги, Тышкевича, Оссолинского. В этом сражении много храбрых шляхтичей из Львова, Перемышля и Сянока погибли. Также был сильный удар на войско Корецкого и ситуацию спас подход войск во главе с королем. На следующий день татары и казаки окружили остатки войска и после ожесточенного боя король отправил посла к Ислам-Гирею с письмом. Хан ответил, что примириться с поляками, как только король отдаст подарки, которые задолжал хану. Был подписан договор²⁶.

В описании осады Збаража и битвы под Зборовом польские историки искали оправдание поражению и дипломатическим уступками в многочисленности врага. Число крыицев они измеряли сотнями тысяч, хотя хан мог привести максимум несколько десятков тысяч. Отмечено, что при одном слухе о татарах польские магнаты ретировались в укрепленные замки. Для поляков характерно прославление образа И.Вишневецкого и приписывание ему чуть ли не победы над казаками и татарами, как и, впрочем, приписывание исключительного мужества Яну-Казимиру. Король и магнат стали центральными персонажами рассказов про кампанию 1649 г. Они, безусловно, были храбрыми людьми, но польское войско и гарнизон Збаража уцелел вовсе не из-за того, что поляки нанесли казакам и крымцам значительные потери. В тех же польских источниках отмечались потери среди самих польских магнатов и на давление оказанное украинцами и крымцами на польское войско. Отмечено желание крымского хана пойти на переговоры. Поляки уцелели потому, что крымский хан решил пойти на переговоры с польским королем. Среди других интересных деталей отмечено, что за татарскую помощь Б.Хмельницкий заплатил ясырем с Подолья и Волыни.

Зборовская битва стала известна и в немецком летучем листке под названием «Подробная и достоверная реляция». Немецкий автор сообщал, что под город подошло око-

ло 100 тыс. татар, которые напали на королевский лагерь с тылом. Полегло около 600 рейтар и пехотинцев. Остальные отошли под защиту лагеря, мужественно обороняясь. Неприятель был отогнан с большими потерями. Пока отражали это нападение, казаки и татары напали на левый фланг, а перед тем как они напали на правый фланг, то поляки уже получили подкрепление. Отмечалось личное мужество короля. Нужно отметить, что кампания под Зборовым и Збаражем нашла отображение и в французских источниках. Гаспар де Тандра сообщал, что Хмельницкий призвал на помощь страшное войско татар. Однако крепость Збараж мужественно держалась, осажденная великим множеством казаков и татар. Французский хронист сообщал, что татары и казаки были разбиты Яном-Казимиром. Отмечалось, что в 1650 г. Хмельницкий оказал крымцам помощь против черкесов, а хан гетьману при походе на Молдавию. Поль Шевалье сообщал, что весной 1649 г. Хмельницкий призвал на помощь крымского хана, а гетьман Фирлей отступил в Збараж. О количестве казаков и татар француз эмоционально подчеркивал, что такого не было со времен Агиллы и Тамерлана. Позиция татар во время осады Збаража была пассивной, смотря на то, как поляки храбро сражаются с казаками. Защитники крепости дождались, когда на помощь подошли войска короля, ставшие у Зборова. Часть татар и казаков отвлеклась от осады и двинулась на королевское войско,

неожидано его атаковав, и при этом чуть не овладев Зборовым. Татары и казаки атаковали обоз в котором стояла конница Острожских и перемышльская шляхта. На помощь им были посланы войска Льва Сапеги и Витовского. Правда потом и войска Сапеги чуть не были уничтожены, так что королю пришлось ввести в бой подкрепления с Бодуэном Оссолинским, который сам погиб в битве. Потом казаки и татары атаковали левый фланг, где стояли Любомирский и Корецкий. Через некоторое время начались переговоры. Хан требовал от короля признания прежних обязательств и договоров. Везирь требовал постоянной дани от поляков, а также удовлетворения требований казаков. Жан-Бенуа Шерер сообщал, что крымский хан сам пришел на помощь Хмельницкому и татары вместе с казаками взяли в осаду Збараж. Когда же подоспел король с 20 тыс., то казаки взяли Збараж и нанесли потери полякам в пять тысяч. В битве погиб канцлер Оссолинский, и Ян-Казимир отправил посла к Ислам-Гирею надеясь выстоять. Хан требовал 100 тыс. таллеров, которые ему должен был польский король²⁷.

Для европейских хронистов при описании событий 1649 г. характерно две тенденции. Жан-Бенуа Шерер и Поль Шевалье были знакомы с украинской исторической традицией. Они отмечали тяжелые потери поляков. Вместе с тем, им не чужды были преувеличение количества татар. Войско крымского хана было не маленьким, но

явно не огромным. Для Гаспара де Танда и немецкого наемника в польском войске же была ближе польская позиция. В их сообщении битва под Зборовом и оборона Збаража представляются чуть ли не победой поляков. Указывалось на значительные потери казаков и татар, игнорируя при этом потери польского войска. Отмечалось многочисленность войска крымцев и ничего не говорилось о переговорах. Жан-Бенуа Шерер и Поль Шевалье вполне отчетливо говорили о переговорах.

Касательно украинских источников, то они также отмечали это событие. В Львовской летописи под 1649 г. сказано, что инициатива войны принадлежала украинцам. Сообщалось, что после того как они взяли Полонное, Красилов, Староконстантинов, Новоконстантинов, Острополь, Синявку, Зиньков, их войско выдвинулись в район Меджибожа. А в то время в Збараже польские магнаты И.Вишневецкий, Фирлей, Ляскоронский, Остророг, Корецкий оказались в этом городе, который осадили казаки и татары. Сообщалось, что Ян Казимир под Зборовым был окружен врагами и понес еще большие потери, чем магнаты под Збаражем. Король был вынужден подписать мир с казаками и татарами. В Хмельницкой летописи отмечалось, что неисчислимые силы татар из крымцев, буджакцев и ногайцев взяли Хмельник, а бывшие на Купельском поле поляки ретировались в Збараж. Наместник же города Хмельник погиб в

Летичеве, взятом татарами. Среди осажденных магнатов упоминались И.Вишневецкий, Фирлей, Ляскоронский, а относительно воинства казаков указывалось, что их 500 тыс., а татар 300 тыс. Отмечалось, что много поляков погибло при осаде в Збараже и при окружении войск короля. Король был вынужден бежать в город Зборов и заключить перемирие. Говорилось, что татары в набегах доходили до Литвы (то есть до границы с Великим Княжеством Литовским в составе Речи Посполитой). Отмечалось, что татары забрали много русинов в ясырь. Феодосий Софонович сообщал, что в 1649 г. Хмельницкий со своим и татарским войском двинулся на Збараж. Вишневецкий и Данило Остророг, не давши полевого сражения, ретировались в Збаражский замок и на протяжении шестинедельной осады делали вылазки из города. Пытаясь деблокировать Збараж, прибыл Ян Казимир с посполитым рушением, но татары нанесли ему поражение, так что им достался королевский обоз, а сам король с остатками войска укрылся в Зборове. Входя в города на Подолье, казаки отдавали их население татарам в неволю²⁸.

Для хронистов из Правобережной Украины характерно признание поражения польских войск под Зборовым. Только в Хмельницкой летописи поражение летописец пытался оправдать многочисленностью татар. Для правобережных хронистов характерна симпатия к Речи Посполитой, однако она не в ура-патриотических тонах, как ха-

рактерна для ряда польских хроник. Для них характерно короткое изложение событий кампании и описание ее главных событий. Отмечено, что король был вынужден подписать мир с казаками и татарами, а не наоборот.

Несколько по иному представлена кампания 1649 г. в казаческих летописях. В Черниговской летописи сказано, что инициатором кампании были поляки, пришедшие под Пыляву. Сообщалось, что казаки с татарами пришли и в битве одолели поляков, которые, убегая, укрылись в Збараже. Отмечалось, что, когда прибыл король, то Хмельницкий половину войска из казаков и татар отправил против него и загнал его в Зборов. В Летописи Самовидца отмечалось, что под Животыном украинцы объединились с татарами и выдвинулись под Меджибож, где поляки осаждали казаков. Польское войско было вынуждено отступить в Збараж. Город был взят в осаду. Отмечалось, что когда подошло посполитое рушение с королем, то татары его разбили, и он был вынужден укрываться в Зборове. Инициатива подписания договора приписана Б.Хмельницкому, которому приписано желание остаться в Речи Посполитой, но на особенных условиях. Татарам было заплачено ясырем из двенадцати городов. В Летописи Дворецких указано, что в 1649 г. Хмельницкий вместе с татарами разбил Вишневецкого и Лянцкоронского под Збаражем, равно как и короля под Зборовым. На поле у села Плугова

Корецкий и Жолкевский, шедшие на помощь королю, были разбиты. Б.Хмельницкий, обеспечивая себе союз с татарами, заплатил им денег, а также отдал в неволю население Подолья и Волыни²⁹.

Григорий Грабянка сообщал, что Фирлей напал на казаческие владения, но когда Хмельницкий с крымским ханом пришел под Староконстантинов поляки в панике отступили под Чолганский камень, а потом в Збараж. Под Вышгородом Гулевич совершил неудачную вылазку, а Душинский и Сираковский, объятые паникой, потеряли почти всех людей. Если бы не прибыл И.Вишневецкий, то поляки, не сталкиваясь с Б.Хмельницким, разбежались бы. Отмечалось, что в июле, когда, наконец, началась осада, то поляки уже находились в укрепленном лагере. Штурм укреплений, предпринятый Б.Хмельницким, стоил казакам и татарам, равно как и полякам, больших потерь. Шефер Косен Ага предлагал полякам перемирие, как и поляки предлагали Б.Хмельницкому принять капитуляцию города, однако гетьман желал их безусловной капитуляции. После этого он перешел к долгой осаде, и во время вылазок из Збаража погибло много славных польских воинов. Подошедшее на выручку И.Вишневецкому войско короля было атаковано казаками, а татары захватили польский обоз. После этого они атаковали польскую конницу, и в битве полегло много славных поляков. Они уже готовы бежать, когда король обра-

тился к ним, чтобы они не позорили свою честь бегством. Хмельницкий плотно окружил польский лагерь под Зборовым. Отмечалось, что в этой сложной ситуации король отправил к хану посла. При этом он указывал, что хочет жить в дружбе с ханом и, что татарам нужно опасаться казаков, которые после поляков примутся за татар. Хан отвечал, что дружбы не отбрасывает, однако Ян-Казимир с самого своего избрания так и не отправлял послов в Крым. Потом встретились канцлер и везирь. При этом везирь потребовал у поляков дань невыплаченную за несколько лет (1646–1649 гг.) и указал на это как на основную причину войны. При этом татары не устранили казаков от переговоров и при них были учтены и интересы казаков. После перемирия татары захватили в плен много жителей Збаража. Поттоцкий и Денхоф проводили татар из польских владений. Отмечалось, что крымский хан не желал замирения с Речью Посполитой, по сему гетьман решил вместе с крымцами совершить поход на Молдавию. В Лызогубовской летописи сообщалось, что Б. Хмельницкий не звал хана, а тот сам незванный пришел на помощь казакам. Татары и ка-

заки взяли в осаду Збараж, а когда подошел король с войском осадил его в лагере и вынудил к миру³⁰.

Для казачьих летописей характерно утверждение, что украинцы-русины вместе с татарами разбили поляков под Зборовым и Збаражем. Инициатива переговоров приписана крымскому хану. При этом они не приукрашивали действительность, говоря и про ясырь с земель населенных украинцами-русинами и не старались свалить всю вину на татар. Крымцев при кампании 1649 г. украинцы рассматривали как союзников.

В кампаниях 1648 г. участие татар на стороне казаков давало им психологическое преимущество и деморализовало поляков. В битвах принимали участие ограниченные контингенты крымскотатарского войска. В 1649 г. крымцы принимали участие в кампании под Зборовым и Збаражем на стороне украинцев и их роль в конечном успехе была значительной. Однако Ислам-Гирей III не допускал того, чтобы какая-то из сторон получила решительное преимущество на другой и, пользуясь ситуацией, выносил максимальную выгоду для себя.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. 359 s.; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

2 Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987. 270 с.; Санин Г.А. Россия, Украина, Трансильвания в системе международных отношений середины XVII в. // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С.

100–125; Грушевський М.С. Історія України-Русі. Т. 8. К.: Наукова думка, 1995. 856 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur8.htm>; Дорошенко Д. Нарис історії України. К.: Глобус, 1992. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://varnak.psend.com/narys/>; Смолій В., Степанов В. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676). К.: ВД Київсько-Могилянська Академія, 2009. 447 с.; Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна в християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. К.: ВД Київсько-Могилянська Академія, 2010. 446 с.

3 Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2000. С. 47–59; Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2010. С. 86–93.

4 Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2000. С. 59–63; Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2010. С. 99–101.

5 Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2000. С. 64–77; Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2010. С. 103–116.

6 Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2000. С. 143–144; Халим Гирай Султан. Розовий куст ханов или история Крыма. Пер. А.Ильми. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 288 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/9.phtml?id=12929

7 Акчораклы О. Татарская поэма Джян-Мухаммедова о полке ислам-Гирея Второго совместно с Б. Хмельницким на Польшу в 1648–1649 гг. по рукописи из материалов этнографической экспедиции КрымНКО по Крыму летом 1928 // Восточный мир. № 2. К., 1930. С. 163–170; Стороженко І.С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст. Книга перша: Воєнні дії 1648–1652 рр. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1996. С. 302–309.

8 Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. К.: Вид-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, 2010. С. 145.

9 Стороженко І.С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст. Книга перша: Воєнні дії 1648–1652 рр. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1996. С. 90–102, 116–135, 154–169, 198–209, 223–233, 24, 25,; Величко С.В. Літопис. Т. 1. К., Дніпро, 1991. 371 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/velichko/vel.htm>; Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. S. 170–180.

10 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 536–537; Шерер Ж.Б. Літопис Малоросії або країни козаків-запорозжців та козаків України, або Малоросії. К., 1994. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/scherer/sher03.htm>; Шевальє П. Історія війни козаків проти Польщі, з розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про кримських татар. К., 1993. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://izbornyk.org.ua/chevalier/shev1.htm>

11 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 415, 426, 445; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.; Мицик Ю.А. Літописець Дворецьких – пам'ятник українського летописання XVII в. // Хроніки и летописи 1984. М., 1984. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam15.htm>

12 Літопис Самовидця. К.: Наукова думка, 1971. 208 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam.htm>

13 Величко С.В. Літопис. Т. 1. К., Дніпро, 1991. 371 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/velichko/vel.htm>

14 Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К.: Т-во Знання України, 1992. 192 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>

15 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 415–416.

16 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 420, 422, 426, 433, 435, 439, 565–578.

17 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 440–442, 505–510, 512–515, 541–544, 546, 551, 553.

18 Erlicz 1853. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. T. 1. Warszawa: W drukarni Wienhoebera, 1853. S. 62–67, 70–71. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.com.ua/books?id=tkghAQAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

19 Kochowski Wespazjan. Historia panowania Jana Kazimierza. T. 2. Poznan: Nakladem i Czcinkami N. Kamienskogo i spolki, 1859. S. 11–14, 19–20, 22–24. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://dir.icm.edu.pl/Historya_panowania_Jana_Kazimierza/Tom_1/

20 Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми в царствие Владислава и Казимира, в продолжении двенадцати лет, начиная с 1647 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. № 4. М., 1846. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/samovy/d/sam12.htm>; Historia o buntach Chmielnickiego, o wojnie z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za króla Władysława IV i za Jana Kazimierza przez lat dwanaście, krótko zebrana, ab anno 1647, anno 1648. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://pbc.gda.pl/dlibra/doccontent?id=6295&from=FBC>

21 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 13, 15, 17–18.

22 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 416, 434, 437–438, 442, 446, 515–534.

23 Мицик Ю.А. Джерела з історії національно-визвольної війни українського народу. Т. 1 (1648–1649). К., 2012. С. 556–561, 585–598.

24 Erlicz 1853. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. T. 1. Warszawa: W drukarni Wienhoebera, 1853. S. 98–99, 101–104 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.com.ua/books?id=tkghAQAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

25 Kochowski Wespazjan. Historia panowania Jana Kazimierza. T. 2. Poznan: Nakladem i Czcinkami N. Kamienskogo i spolki, 1859. S. 48, 51–8. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://dir.icm.edu.pl/Historya_panowania_Jana_Kazimierza/Tom_1/

26 Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми в царствие Владислава и Казимира, в продолжении двенадцати лет, начиная с 1647 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. № 4. М., 1846. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/samovy/d/sam12.htm>; Historia o buntach Chmielnickiego, o wojnie z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za króla Władysława IV i za Jana Kazimierza przez lat dwanaście, krótko zebrana, ab anno 1647, anno 1648. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://pbc.gda.pl/dlibra/doccontent?id=6295&from=FBC>

27 Мицик Ю.А. О двух немецких летучих листках XVII в. // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. Вип. 2. Кам'янець-Подільський, Кам'янець-Подільський національний університет ім. Івана Огієнка, 2011. С. 210–211; Шерер Ж.Б. Літопис Малоросії або країни козаків-запорожців та козаків України, або Малоросії. К., 1994. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/scherer/shef03.htm>; Шевальє П. Історія війни козаків проти Польщі, з розвідкою про їхню похідження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про кримських татар. К., 1993. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/chevalier/shevl.htm>

28 Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К., Наукова думка, 1992. 336 с.; Хмельницькая летопись // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/samovy/d/sam09.htm>

29 Черниговская летопись // Южнорусские летописи. К., 1856. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/bilozer/bilz01.htm>; Літопис Самовидця. К.: Наукова думка, 1971. 208 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org>

ua/samovyd/sam.htm; Мицик Ю.А. Літописець Дворецьких – пам'ятник українського летописання XVII в. // Хроніки і летописи 1984. М., 1984. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam15.htm>

30 Лизогубівський літопис // Сборник летописей относящихся к истории Южной и Западной Руси. К., 1888. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet02.htm>; Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К.: Т-во Знання України, 1992. 192 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>.

Сведения об авторе: Пилипчук Ярослав Валентинович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю.Крымского НАН Украины, e-mail: bachman@meta.ua

Аннотация: Данная статья посвящена истории взаимоотношений Крымского ханства с Речью Посполитой, Гетьманщиной и европейскими государствами в 1648–1649 гг. Целью исследования является изучение взаимоотношений Крымского ханства с европейскими странами в 1648–1649 гг. и анализ роли татарских войск в кампаниях этого времени. Новизна данной статьи состоит в том, что автор реконструирует картину политических отношений в Восточной Европе, не ограничивая себя региональными рамками, а также предоставляет целостную картину походов крымцев, базируясь на украинских и польских источниках. В кампаниях 1648 г. участие татар на стороне казаков давало им психологическое преимущество и деморализовало поляков. В битвах принимали участие ограниченные контингенты крымскотатарского войска. В 1649 г. крымцы принимали участие в кампании под Зборовым и Збаржем на стороне украинцев, и их роль в конечном успехе была значительной. Однако Ислам-Гирей III не допускал того, чтобы какая-то из сторон получила решительное преимущество на другой и, пользуясь ситуацией, выносил максимальную выгоду для себя.

Ключевые слова: Гетьманщина, Крымское ханство, Речь Посполита, международные отношения, Гирей, Османь, Хмельниччина.

Abstract: This article is devoted to the history of relations of the Crimean Khanate with the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Hetmanate and the European states in 1648-1649. The purpose is to study the relationship between Crimean Khanate with European countries in 1648-1649 and an analysis of the Tatar forces role in the campaigns of this time. The novelty of this article is that the author reconstructs the picture of political relations in Eastern Europe, not limiting with the regional framework, but also provides a complete picture of Crimean campaigns, based on Ukrainian and Polish sources. In the campaigns of 1648, the participation of the Tatars on the side of the Cossacks gave them a psychological advantage and demoralized the Poles. The limited contingents of the Crimean Tatar army took part in the battles. In 1649 the Crimeans took part in the campaign under Zborov and Zbarazh on the side of the Ukrainians, and their role in the final success was considerable. However, Islam-Girey III did not allow any of the parties to have a decisive advantage over the other and, taking advantage of the situation, took maximum benefit for himself.

Keywords: Getmanshchina, Crimean Khanate, Rzeczpospolita, international relations, Girey, Osmany, Khmelnychchyna.

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА ХАНСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (М.БЕКЧУРИН, М.АЙТОВ, И.БАТЫРШИН)

Р.Ю.Почекаев, кандидат юридических наук

Роль чиновников-татар в развитии владений Российской империи в «Русской Центральной Азии» и, в частности, в Казахстане достаточно подробно изучается в последнее время¹. Их участие в реализации российской политики в отношении среднеазиатских ханств также привлекает внимание исследователей, однако в несколько меньшей степени. При этом наибольший интерес для исследователей представляет роль чиновников татарского происхождения (равно как и татарских торговцев) в развитии экономических отношений с ханствами Средней Азии и государствами центрально-азиатского региона в целом², до некоторой степени – в исследовании истории и культуры регион³. В настоящем исследовании предлагается более подробно рассмотреть вопрос о чиновниках татарского происхождения как информаторах о государственности и праве этих ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского. Насколько нам известно, эта тема до сих пор не привлекала внимания исследователей.

Несомненно, изучение государственного устройства и правовой системы среднеазиатских государств не являлось основной задачей российских дипломатов и,

тем более, путешественников (торговцев, ученых и пр.). Однако эти сведения были достаточно важны для российских властей, поскольку позволяли выстраивать более гибкую политику по отношению к Бухаре, Хиве и Коканду, адаптируя ее к среднеазиатским политико-правовым реалиям. И в этом вопросе чиновники-татары могли получать информацию более эффективно, нежели их коллеги русского происхождения: в общении с представителями среднеазиатских властей и населения у них практически (или даже полностью) отсутствовал языковой барьер, единство вероисповедания способствовало налаживанию более доверительных отношений и, как следствие – получению более подробных сведений. Кроме того, наличие определенных сходств в политических, правовых, культурных традициях татар и тюркских народов Средней Азии позволяло чиновникам татарского происхождения лучше понимать особенности политико-правового развития региона и, соответственно, более четко формулировать их в своих отчетных материалах по результатам миссий в Среднюю Азию.

В настоящей статье мы намерены проследить роль российских чиновников-татар в изучении го-

сударственности и права ханств Средней Азии на примере деятельности трех таких чиновников – Мендиара Бекчурина, Мухаммедшарифа Аитова и Искандера Батыршина. Безусловно, ими круг татарских дипломатов и путешественников, посетивших среднеазиатские ханства в XVIII–XIX вв. далеко не исчерпывается⁴. Однако именно эти три деятеля, на наш взгляд, представляют собой наиболее яркие примеры эффективной деятельности татар – пограничных имперских чиновников по сбору сведений политико-правового характера о ханствах Средней Азии.

Мендиар Бекчурин (1740–1821) служил переводчиком при Оренбургской губернской канцелярии и, в качестве такового неоднократно выполнял дипломатические поручения оренбургских губернаторов. Наверное, наиболее значительная из его поездок – это миссия в Бухару в 1781 г. по поручению военного губернатора И.А.Рейнсдорпа. Подробная информация об этой поездке содержится в серии отчетных документов, направлявшихся им в течение поездки в Оренбург в дальнейшем пересылавшихся пetersбургским властям⁵.

Для нас наиболее интересны его сведения об организации системы управления в Бухарском ханстве – номинальном верховенстве хана Абу-л-Гази и реальной верховной власти аталыка Даниял-бия, назначившего на ключевые должности своих родственников и сторонников⁶. Достаточно подробно М.Бекчурин описал и административный аппарат ханства, во мно-

гом унаследованный от монгольской имперской традиции (аталык, шигаул, ясаулы и пр.) – благодаря тому, что ему самому пришлось пройти «через руки» большого количества чиновников⁷. Упоминает М.Бекчурин также о суде и расправе «на основании их Алкорана», которую осуществляет сам аталык и назначаемые им чиновники⁸. Представляет определенный интерес также характеристика Бекчуриным системы налогов и сборов Бухарского ханства, включая земельный налог, различные промысловые сборы, а также «подушную подать с жидов», т.е. с иноверцев⁹; в результате можно сделать вывод, что в налоговой системе ханства сочетались как налоги, предусмотренные шариатом, так и оставшиеся от «чингизидского» времени.

Некоторые авторы считают, что сведения М.Бекчурина не обладают большой ценностью, поскольку, якобы, он провел почти все время в Бухаре фактически под арестом и не имел возможности собрать значительной информации о ханстве¹⁰. Полагаем, что такая оценка несколько сурова и в большей степени относится ко второй миссии Бекчурина – на этот раз в Хиву в 1819–1820 гг., которую он осуществил по указанию уже другого оренбургского военного губернатора, П.К.Эссена. Дипломату предписывалось обсудить с ханом и его советниками вопросы торгового сотрудничества и возврата русских пленных, однако миссия окончилась неудачно, да и сведений о ханстве Бекчурину собрать не удалось, поскольку его содер-

жали «под крепчайшим присмотром в унизительном месте четыре месяца»¹¹.

Важные сведения о Хивинском ханстве были собраны уже М.Аитовым (р. 1802) – переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, который, правда, попал в Хиву не по своей воле. В конце 1839 г. он был отправлен оренбургским военным губернатором В.А.Перовским в Казахскую степь для найма верблюдов для «зимнего похода» на Хиву, но был схвачен казахами, у которых его вскоре забрали хивинские эмиссары и доставили в Хиву.

Некоторое время Аитов провел в ханском подземелье, которое он описал в своем отчете¹², но, тем не менее, и тогда имел возможность общаться с самим ханом Алла-Кули, его мехтером (фактически канцлером) Якуб-баем, казахским султаном Каип-Гали Ишимовым – хивинским ставленником на троне Младшего жуза. А к лету 1840 г. хан решил возобновить переговоры с Оренбургом, и М.Аитов был освобожден, став своего рода советником хана по вопросу восстановления мирных отношений с Российской империей¹³.

В это время Аитов начал собирать ценную информацию о политической ситуации в Хивинском ханстве, положении хана и влиянии чиновников, намерениях Хивы относительно казахов Младшего жуза. Хан позволил М.Аитову участвовать в поисках русских пленников в Хиве для отправки их на родину, и он получил возможность собрать также неофициаль-

ную информацию, в т.ч. и слухи. В частности, это позволило ему узнать о расстановке сил в ханстве, истинном отношении хивинских властей к казахским вассалам и пр. Важной оказалась информация о пребывании в Хиве английских агентов, в частности – лейтенанта Р.Шекспира, которого Аитов по возвращении в российские пределы помог разоблачить и выслать¹⁴.

Сведения Аитова о Хиве были оценены по достоинству: в 1841 г. он был включен в миссию капитана П.Никифорова, причем после ее окончания В.А.Перовский видел его в качестве «постоянного русского агента» в Хиве, что было одобрено и руководителем российского МИДа К.В.Нессельроде¹⁵. Согласно предписаниям, на Никифорова возлагались официальные переговоры с ханом и его сановниками, на будущего же агента ложилась вся работа по установлению неформальных контактов и сбор информации о Хиве и ее соседях. Впоследствии Никифоров в письме В.А.Перовскому высоко отозвался о дипломатических способностях Аитова, его умении находить общий язык с самыми разными лицами¹⁶.

Хан поначалу согласился оставить М.Аитова в Хиве в качестве постоянного русского представителя, но затем передумал. Полагаем, причиной такого решения было именно слишком хорошее знание Аитовым хивинских реалий и расстановки политических сил в Хиве и зависимых от нее казахских регионах. Так, когда переговоры между посланцем В.А.Перовского и ханом по поводу статуса Младше-

го жуза, зашли в тупик, хан устроил Никифорову встречу с казахскими султанами и биями, признававшими власть Хивы – чтобы они подтвердили, что не признают власти русских и находятся под сюзеренитетом Хивинского ханства. Его казахские сторонники обвинили русских в постоянных походах в степь, а также заявили, что, будучи мусульманами, казахи не имеют права подчиниться христианам-русским. Но М.Аитов убедительно опроверг все аргументы приверженцев хивинского хана. Так, в ответ на довод о неподчинении иноверцам он привел пример Османской империи. На упреки по поводу русских экспедиций в степь он прямо заявил, что присутствующие не вправе говорить от имени всех казахов, поскольку сами являются мятежниками. А в заключение Аитов, уже успевший изучить историю Хивы, напомним казахским султанам, что их прямые предки еще менее века назад сами занимали трон Хивы, а теперь они сами являются вассалами потомка их же прежних санджаров! В результате многие из казахских сторонников Алла-Кули-хана стали добиваться встречи с капитаном Никифоровым, чтобы получить амнистию и право вернуться в родные степи¹⁷. В результате М.Аитов выехал из Хивы, но за участие в миссии Никифорова в 1842 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Сведения М.Бекчурина и М.Аитова были преимущественно практического характера и основывались преимущественно на личных впечатлениях. Существенно

отличается от них информация о государственности и праве Хивы, собранная еще одним переводчиком Оренбургской пограничной комиссии – И.Батыршиным (р. 1819). Он не бывал в Бухаре или Хиве: самыми дальними его поездками были миссия на Мангышлак и участие в походе В.А.Перовского на кокандскую крепость Ак-Мечеть. Тем не менее, Батыршин, в отличие от М.Бекчурина и М.Аитова, признается исследователями не только эффективным чиновником, но и талантливым ученым¹⁸, и его сведения как по итогам общения с представителями населения Центральной Азии, так и по личным впечатлениям представляют не меньшую ценность, чем отчеты его предшественников, лично посетивших ханства.

К числу наиболее ценных работ относится «Записка», подготовленная И.Батыршиным по результатам общения с казахским султаном Ермахаммадом (Иликеем) Касымовым – еще одним хивинским ставленником на троне Младшего жуза, который в 1852 г. сдался русским властям. И.Батыршин провел немало времени, общаясь с султаном (к которому, судя по отзывам о нем в своих отчетах, испытывал большую симпатию) и получил весьма ценные сведения о Хивинском ханстве¹⁹. Несомненно, заслугой Батыршина стало то, что он сумел систематизировать сведения султана, соотнести их с другой имеющей информацией о ханстве (возможно, и с материалами М.Аитова) и представить их в виде целостной характеристики. К сведениям о

государственности и праве следует отнести, в частности, сведения о статусе хивинского правящего рода Кунграт, взаимоотношении его представителей между собой, о полномочиях чиновников – мехтера, махрема, кушбеги, кази-калян²⁰. Важными являются сведения об организации управления казахами, признававшими власть Хивы – о претендентах на ханский трон, взимании с казахов закята и т.д.²¹ Эти сведения представляли ценность, поскольку отражали приверженность Хивы к прежним традициям управления в Казахстане, к этому времени радикально измененным в результате российских реформ. Естественно, консервативно настроенные казахи склонялись к признанию власти Хивы, а не России.

Важная информация содержится также и в дневнике И.Батыршина, который он вел во время похода В.А.Перовского на Ак-Мечеть в 1853 г.²² Несмотря на то, что формально этот документ представлял собой запись ежедневных впечатлений автора, фактически он содержал и важные наблюдения относительно политико-правовой ситуации в регионе. Неслучайно после возвращения из похода Батыршин представил доработанную версию дневника Перовскому, который намеревался его издать, но не успел это сделать из-за ухудшения здоровья²³.

Весьма важным представляется наблюдение чиновника о признании кокандцами за вышеупомянутым Иликеем ханского достоинства: не только с Перовским, но и с ним вели переговоры власти Ак-Мече-

ти и подвластные Коканду кочевые племена²⁴. Чингизидское происхождение султана делало его легитимным претендентом на трон любого среднеазиатского государства (в отличие от правителей Коканда из узбекского рода Минг с сомнительной легитимностью). Также в дневнике содержатся сведения, касающиеся административного устройства ханства – статуса и полномочий ташкентского бека, которому подчинялся комендант Ак-Мечети, и фактической независимости его от Коканда²⁵. Также дается характеристика системы управления кочевыми подданными ханства (во главе которых стояли «сотенные начальники», назначаемые кокандскими властями), сбора с них закята ханскими чиновниками-ясаулами и т.д.²⁶

Как видим, сведения имперских чиновников-татар о государственности и праве среднеазиатских ханств довольно разнообразны и нуждаются в дополнительном подробном исследовании на предмет их изучения и соотнесения с другими источниками информации о политико-правовой ситуации в Бухаре, Хиве и Коканде в конце XVIII – середине XIX в.

В заключение следует отметить несколько противоречивое положение чиновников-татар. С одной стороны они находились на службе Российской империи, пользовались доверием своего начальства и качественно выполняли возложенные на них поручения. С другой же стороны они являлись тюрками и мусульманами и, в качестве таковых, вызывали определенное доверие у представителей среднеазиат-

ских ханств и, возможно, платили им тем же. Достаточно вспомнить тот факт, что Алла-Кули доверительно советовался с М.Аитовым о перспективах развития русско-хивинских отношений или, например, несомненную симпатию И.Батыршина к бывшему хану Иликею – ставленнику хивинских властей, столь отличавшуюся от всеобщей нелюбви к нему в окружении оренбургского генерал-губернатора Перовского. Думается, эта «двойственность» в положении чиновников татарского происхождения в полной мере осознавалась имперской пограничной администрацией, руководители которой эффективно использовали ее в своих интересах. Вероятно, именно это обусловило ту значительную роль, которую сыграли чиновники-татары в сборе информации о ханствах Средней Азии и в разработке и реализации имперской среднеазиатской политики в целом.

В связи с этим считаем целесообразным подчеркнуть, что записки чиновников татарского происхождения, проанализированные в рамках настоящей статьи (возможно, за исключением «Краткого дневника» И.Батыршина) не являются научными трудами, поскольку представляют собой результаты профессиональной, служебной, деятельности чиновников – отчеты, письма и аналитические записки.

Тем не менее, они не только содержат ценные сведения о государственности и праве среднеазиатских ханств (отражая и реальное положение дел в ханствах, и личные позиции авторов по тем или иным аспектам их политико-правового развития), но и в известной степени повлияли на формирование последующей традиции востоковедных исследований в России. Отечественные востоковеды, изучая историю, культуру, религию, государства и права, не исходили из установки об их несовершенстве по сравнению с западными ценностями (подобно европейским «ориенталистам»), а старались объективно изучить все эти аспекты жизни центрально-азиатских обществ и практически применить полученные знания для выстраивания эффективных отношений с ними. Полагаем, далеко не последнюю роль в этом сыграло изучение ими записок татар-чиновников конца XVIII – середины XIX вв.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 См., напр.: Султангалиева Г. Татары в административном управлении Казахстаном // История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш.Марджани, 2013. С. 351–357;

Sultangalieva G. The Russian Empire and the intermediary role of Tatars in Kazakhstan: The politics of cooperation and rejection // *Asiatic Russia: Imperial power in regional and international contexts* / Ed. by T.Uyama. – London; New York: Routledge, 2012. P. 53–79.

2 Гулямов Х.Г. К истории связей между Россией и Бухарой во второй половине XVIII века // *Общественные науки в Узбекистане*. 1976. № 7. С. 38–40; Игдавлетов И.С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 354–356; Тухфатуллина Г.Н. Татарские купцы в российско-китайских торговых отношениях // *Наука вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции*. Воронеж, 05–09 сентября 2016 г. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Петра, 2016. С. 392–396; Шкунов В. Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // *Гасырлар авазы–Эхо веков*. 1997. № 3/4. С. 64–69.

3 См., напр.: Султангалиева Г. Татары в административном управлении Казахстана // *История татар с древнейших времен*. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш.Марджани, 2013. С. 351–357.

4 См., напр.: Игдавлетов И.С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 354–356; Игдавлетов И.С. Дипломатическая деятельность Максюта Юнусова и Менди-яра Бекчурина в юго-восточной политике России в XVIII в. // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 13. С. 114–116.

5 Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург записок лежащему тракту (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году) / Пред. С.Жуковского // *Восточный сборник*. Кн. II. – СПб.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1916. С. 275–340.

6 Там же. С. 301.

7 Там же. С. 297–301.

8 Там же. С. 301.

9 Там же. С. 304.

10 См., напр.: Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 19; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Пг.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1915. – XII. С. 89–91.

11 Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. С. 142–144.

12 Цыпляев П.И. Рукописи С.Н.Севастьянова // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXIII. – Оренбург, 1911. С. 240.

13 Там же. С. 241–244.

14 Султангалиева Г.С. Каратолмач. Штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // *Панорама Евразии*. 2008. № 2 (2). С. 17.

15 Серебренников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. III. 1841 год. – Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912. № 13. С. 21.

16 Там же. № 52. С. 95; № 60. С. 113.

17 Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // *Военный сборник*. 1862. № 9. С. 76–77.

18 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. Путевой дневник переводчика И.А.Батыршина о военном походе В.А.Перовского на Акмечеть // *История Казахстана в документах и материалах*. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 280.

19 Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 300–318.

20 Там же. С. 305, 306.

21 Там же. С. 302, 307.

22 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В.Ерофеевой, Б.Т.Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 300–372.

23 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. Путевой дневник переводчика И.А.Батыршина о военном походе В.А. Перовского на Акмечеть // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 285–286.

24 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В.Ерофеевой, Б.Т.Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 335, 339.

25 Там же. С. 335–336, 342.

26 Там же. С. 339, 347.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, e-mail: ropot@mail.ru.

Аннотация: В статье анализируется роль и значение российских чиновников татарского происхождения в сборе сведений о государственности и праве среднеазиатских ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского – в XVIII–XIX вв. В качестве примеров разобрана деятельность трех служащих Оренбургской пограничной комиссии – М.Бекчурина, М.Аитова и И.Батыршина. Двое первых из них выполняли дипломатические поручения в среднеазиатских ханствах, третий взаимодействовал с информаторами из указанных ханств. Всех трех объединяет то, что они были тюрками и мусульманами. Это, во-первых, располагало к ним население ханств (включая и представителей их властных элит) и позволяло собрать больше полезной информации. Во-вторых, будучи сами представителями тюрко-мусульманской культуры, они были способны лучше понять и оценить уровень политико-правового развития ханств Средней Азии и объективно отразить эти сведения в отчетах для своего руководства. Также необходимо отметить, что принадлежность к тюрко-мусульманскому миру по происхождению никоим образом не влияла на качество выполнения ими заданий оренбургских властей, и они всячески старались способствовать реализации российской политики в государствах Средней Азии и продвижению Российской империи в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Кокандское ханство, татарские чиновники, Оренбургская пограничная комиссия, тюрко-монгольское право, мусульманское право.

Abstract: Article devoted to analysis the role and significance of Tatar-born Russian officials in gathering information about state and law of the Central Asian khanates – Bukhara, Khiva, Khoqand in the 18th-19th cc. on the examples of M.Bekchurin, M.Aitov and I.Batyrrshin. All of them served as officials of the Orenburg Frontier Commission, two of them were diplomats in Bukhara and Khiva, last one contacted with informers from above-mentioned khanates. The common feature for them was that they were Turks and Moslems. Firstly that fact provided Central Asian population's sympathies to them (including favor of representatives of the ruling elites of the khanates) and gave an opportunity to gather more useful information. Secondly, as representatives of the Turkic-Islamic culture they could better understand and estimate the level of political and legal development of the Central Asian khanates and prepare impartial reports for their chiefs. Also it's necessary to notice that their affiliation with Turkic-Islamic world didn't influence on quality of fulfillment of missions by such officials: they tried all ways to contribute to realization of the Russian policy in the Central Asia and advance of the Russian Empire in this region.

Keywords: Russian Empire, Bukharan Khanate, Khivan Khanate, Kokand Khanate, Tatar officials, Orenburg Frontier Commission, Turkic-Mongolian law, Islamic law.

ПАРАДИГМА «ВОСТОК – ЗАПАД» В МИРЕ ПУШКИНА

Г.У.Соронкулов, кандидат педагогических наук

Академик М.П.Алексеев был убежден в том, что для полного представления масштабов всеобъемлющего феномена Пушкина, следует соотнести этот феномен не только с различными, но и с разновременными явлениями мировой культуры¹.

Разновременными – значит не лишь хронологически одновременными Пушкину и предшествовавшими ему, но и с более поздними. Ведь значительность эстетического явления характеризуется и его долгожительством – долгодействием в новых исторических и культурных контекстах. В этом смысле Пушкин как художественный феномен, по Л.А.Шейману, оставался не метафорически, а фактически, объективно, современником на всем протяжении и девятнадцатого, и двадцатого веков².

Широко известный афоризм Редьярда Киплинга «*Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...*» хотя и возник в 1889 г., т.е. через полстолетия после гибели Пушкина, может выступать как своего рода «фоновый» текст к пушкинскому лейтмотиву «Восток – Запад», в частности, и потому, что вобрал в себя и выразил в чеканной, лапидарной формуле те тенденции, которые развивались в западноевропейской культуре в творчестве корифеев романтизма, создававших свои вершинные произведения син-

хронно или почти синхронно с великим русским поэтом.

Как же Пушкин осмысливал и переживал эту проблему?

Многие материалы свидетельствуют, прежде всего, о том, что тогда, когда в его произведениях речь шла о народах и их культурах, понятия «Восток» («восточный») и «Азия» («азиатский») часто тоже представали у Пушкина как парные – и контрастные – к понятиям «Запад» («западный») и «Европа» («европейский»).

Пушкин, размышляя о культурах в их наиболее крупномасштабных измерениях, воспринимал Восток как особый мир, существенно иной, чем мир Запада. Для него это были два самоценных целостных единства. Две глобальные цивилизации, во многом резко отличающиеся друг от друга.

Поэт вникал в своеобразность облика каждого народа, привлекавшего его внимание. Вплоть до тонкостей самоназваний близкородственных этносов, как то имело место, когда он писал о казахах и кыргызах. Но отдельные народы, при всех их различиях, нередко выступали у него как представители именно особого мира, каким был в его восприятии Восток. Говоря языком современной нам культурологии, то были представители «некоего цельно-единого культурно-исторического, религиозно-

нравственного и психоментального комплекса»³.

Так, характеризуя поэтический стиль, на который он ориентировался, когда создавал поэму «Бахчисарайский фонтан», Пушкин называет не конкретную национальную художественную традицию, а обобщенное культурно-эстетическое явление – «восточный слог»: «Слог *восточный* был для меня образцом <...>». Обращаясь к Фазиль-хану, он говорит не о персидской поэзии, а, опять-таки, о восточной традиции: «Цветы фантазии *восточной* Рассыпь на северных снегах». В грузинской песне его привлекают также веяния восточной поэзии: «...в ней есть какая-то *восточная* бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство». Бытовые реалии Турции и некоторые особенности национальной психологии турок изображаются как репрезентативные вообще для восточного мира в целом: «Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный, *восточный* наряд»; «...они <турки> с жадностью, общею всему Востоку, слушали его <Кирджали> чудные рассказы».

Принципиальное своеобразие восточного мира Пушкин порою подчеркивал резким, почти вызывающим, противопоставлением миру западному, европейскому. В пылу полемики поэт готов был видеть между ними чуть ли не такую же «дьявольскую разницу», какую усматривал между традиционным романом и романом в стихах.

Таков и контекст приведенного выше пушкинского упоминания о «слоге восточном». Поэт возражает здесь на критическое замечание Д.В. (или В.Л.?) Давыдова о парадоксальных, гиперболических и как будто противоречащих друг другу, строках «Бахчисарайского фонтана», живописующих взоры красавицы-грузинки Заремы:

Твои пленительные очи

Яснее дня, чернее ночи...

Аргументация Пушкина: «Я бы с ним <с Давыдовым> согласился, если б дело шло не о *востоке*. Слог *восточный* был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным *европейцам*...». А в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» Запад и Восток вообще решительно разведены поэтом и словно бы непримиримо противостоят друг другу: «Стамбул отрекся от пророка, В нем правду древнего *Востока* Лукавый *Запад* омрачил».

Конечно, в обоих случаях перед нами – намеренное заострение. В первом случае оно вызвано обстоятельствами спора – экспансивной защитой своей поэтической находки и своей, новообретенной, эстетической позиции. Во втором случае – тем, что обвинения по адресу Стамбула, поддавшегося западным соблазнам, исходят якобы из уст вымышленного турецкого поэта, сурового ревнителя старины, янычара Амина-Оглу.

Но факт восприятия Пушкиным оппозиции «Восток–Запад» как, во многих своих проявлениях, исторически сложившейся мировой культурно-цивилизационной анти-

тезы вряд ли кем-либо может быть подвергнут сомнению.

Однако, раскрывая «культурную самооценку каждой из двух зон человеческой цивилизации»⁴, Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличающиеся от тех, какими двигались в поэтическом освоении «восточно-западной» проблематики корифеи современной ему и позднейшей западно-европейской культуры.

Восток для Пушкина «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого»⁵.

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не дает готового ответа на эти вопросы. Он ищет ответа и вовлекает читателя в этот трудный поиск.

Присмотримся к движению поисковой художественной мысли Пушкина в русле самого общего и болезненного вопроса «восточно-западной» темы.

Л.А.Шейман отмечает, что едва ли не самый обширный аб-

зац первой главы «Путешествия в Арзрум», занимающий почти целую страницу, содержит перечень тех сторон быта и образа жизни «черкесов» (т.е., в пушкинскую эпоху, народов Северного Кавказа), которые сохранили наследие бесчеловечных нравов и обычаев средневековья.

Однако уже в самом начале Пушкин отмечает основную причину ненависти «немирных» кавказских горцев к пришельцам, явившимся к ним с огнем и мечом: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги». А завершается этот абзац раздумьями о тех средствах, «более нравственных, более сообразных с просвещением нашего века», которые побудили бы местных жителей «с нами *сблизиться*».

Начало и конец пушкинского абзаца не просто смягчают картину тех черт «черкесского» образа жизни, которые вызывают неприятие у автора путевых записок. Они хорошо объясняют предельный накал сложившегося противостояния и дают возможность читателю выслушать и другую сторону участников незатухающего конфликта. А кроме того – подводят читателя к поиску, совместно с размышляющим путешественником, некоторых перспектив выхода из создавшейся драматической ситуации.

В абзаце, о котором мы ведем речь, концентрированно воплоще-

на характернейшая особенность авторской позиции, определяющей своеобразие художественной интерпретации Пушкиным темы Востока, обычно развиваемой им в русле проблематики встречи Востока с Западом. Особенность эту Л.А.Шейман назвал перспективно ориентированным нравственно-эстетическим плюрализмом. Подобный плюрализм (от лат. pluralis – множественный) предполагает художественное представление разных, часто противоположных точек зрения, разных оценок, разных образных призм при изображении одного и того же явления или ряда сходных явлений. Но, обязательно, такое их представление, которое приоткрывает и перспективу движения поисковой авторской «чувствуемой мысли».

В анализируемом абзаце Пушкин ни в коей мере не настаивает на единственной истинности своих вариантов решения исключительно сложной проблемы. Он оговаривает предположительность своих соображений: «*Должно надеяться...*», «*...может благоприятствовать...*». Предлагаемые русским поэтом пути не отменяют и другие. Но то, к чему склоняется в большей мере автор, все-таки занимает в его тексте, так называемую, «сильную позицию». В данном случае – в конце абзаца.

Пушкинский символ, как отмечает Шейман, не останавливается на синтезе. Он хранит память о разных смыслах, их оттенках и приращениях, которые рождались и взаимодействовали друг с дру-

гом как в процессе движения сюжета «Путешествия...», так и в пространстве «большого» поэтического пушкинского контекста.

Множественность точек зрения на один предмет в пушкинской поэтической картине мира, ее «полифоничность», вовлекают читателя в интеллектуально-эмоциональное сотворчество. Она открывает ему неведомые ранее глубины в явлениях и процессах реальной действительности. В наиболее сложных случаях она подводит к проблемам, не предоставляющим очевидных возможностей для однозначных решений, по крайней мере, в обозримый исторический период. Но все-таки, в то же время, она побуждает к продолжению поиска. Отсюда – и множественность концептуальных толкований вершинных пушкинских шедевров. Причем каждая из наиболее серьезно обоснованных концепций может представляться достаточно убедительной⁶.

Чрезвычайная сложность межэтнокультурных коллизий и тех условий, в которых складывался и развивался гений Пушкина, сказались на том, что некоторые из его интерпретаций этих коллизий испытали на себе воздействие факторов, обозначенных им в «Евгении Онегине» как «предрассудки вековые».

Однако, абсолютно преобладающей и в сфере, которая нас интересует, оказывалась та перспектива движения пушкинской художественной мысли, которая диктовалась его «лелеющей душу гуманностью»⁷.

«<...> Пушкин, – по Белинскому, – по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком»»⁸.

Принцип гуманности, на языке Пушкина – «правила человеко-

любия» («Капитанская дочка». Гл. IV. «Пугачевщина»), оказывался определяющим и в пушкинских поисках возможно более адекватной оценки военно-политических аспектов проблематики «Восток–Запад».

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, 1984. С. 20.
- 2 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: Очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. – Б., 2000. С. 415.
- 3 Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – Избранное. – М.: “Прогресс”, Культура, 1995. С. 3.
- 4 Ольденбург С.В. Статья без названия // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. С. 3.
- 5 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: Очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. – Б., 2000. С. 420–421.
- 6 Там же. С. 429–430.
- 7 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 7. С. 339.
- 8 Там же. С. 579.

Сведения об авторе: Соронкулов Гульжигит Умарович, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела кыргызской литературы Института языка и литературы им. Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, e-mail: soronkulov52@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается проблема отношения А.С.Пушкина к двум глобальным цивилизациям – Востоку и Западу. Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встреч двух глобальных цивилизаций. Но сам он, за редкими исключениями, не дает готового ответа на эти вопросы. Он ищет ответа и вовлекает читателя в этот трудный поиск.

Ключевые слова: Художественный феномен, глобальные цивилизации, культурно-цивилизационная антитеза, черкесы, плюрализм, принцип гуманности

Abstract: The article considers the problem of Alexander Pushkin's relationship with two global civilizations - East and West. Pushkin's author's position here, as in other areas of his poetic world, is unique. He puts the reader in front of secrets and riddles, contradictions and questions that reveal him the reality in the problems of meetings of the two global civilizations. But he, with rare exceptions, does not give a ready answer to these questions. He seeks an answer and involves the reader in this difficult search.

Keywords: Art phenomenon, global civilizations, cultural-civilizational antithesis, Circassians, pluralism, the principle of humanity

О ПРОЕКТЕ МВД ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОГО
МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ 1861 ГОДА

И.К.Загидуллин, доктор исторических наук

Предложенное Б.Н.Мироновым деление национальной политики самодержавия XIX в. до Польско-го восстания 1863 г. и после¹ в отношении мусульманских народов империи не всегда совпадает и для этого есть веские причины. По большому счету, с каждым случаем начавшихся изменений в сфере этноконфессиональной политики правительства в отношении мусульманских народов приграничных территорий следует разбираться конкретно, в том числе и с разработками различных проектов по реорганизации управления их духовными делами, одновременно не упуская из виду общеимперский дискурс «мусульманской темы», ибо, в конечном счете, все вопросы политические замыкались в столичных, центральных учреждениях. Наш тезис основан на том, что возникновение в стране национальных проблем на окраинах являлось следствием активной внешнеполитической деятельности имперского правительства, и каждая из них формировалась автономно.

Военные обстоятельства – Крымская война 1853–1856 гг. – стали катализатором пересмотра отношения правительственных кругов и к крымским татарам. Как известно, в периоды войн с мусульманскими государствами в России мусульмане воспринимались влас-

тью как «неблагонадежные» подданные, «скрытые враги». В Волго-Уральском регионе, например, участились «визиты» полиции в медресе, в которых обучались шакирды из разных регионов, с целью проверки паспортов на отлучку на предмет выявления «скрытых врагов» империи². В условиях оккупации части Таврической губернии неприятелем и жестоких законов военного времени, тлевшиеся межэтнические противоречия и имеющиеся социально-экономические проблемы оголились. На наш взгляд, очень точно социальное поведение крымских татар в период военных действий выразил составитель сборника архивных документов «Таврическая губерния во время Крымской войны» А.Маркевич, который писал, что «возмущение татар Евпаторийского и отчасти Ялтинского уезда представляется скорее результатом ловких действий турецких эмиссаров, влияний извне, чем сознательным политическим действием»³. Бессилие и горечь потерь, поиск виновных в унижительном поражении усиливали к ним недоверие прежде всего центральных властей⁴. В годы Крымской войны наблюдались антитатарские действия казаков в отношении мирного населения, после ее завершения широко практиковалась высылка

без должного следствия и судебного разбирательства подозреваемых в государственной измене мусульман, в том числе ни в чем не повинных людей, в Орловскую, Курскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии⁵.

Движение мухаджиров в крае, возникшее в период и после Крымской войны, складывалось из множества причин, как объективных, так и субъективных, и они требуют специального и беспристрастного изучения с привлечением всего комплекса источников. Стараясь комплексно подойти к проблеме и акцентируя внимание на сложность темы, Г.П.Левицкий выделяет около двадцати факторов, оказывавших влияние на мотивацию мусульман покинуть историческую родину⁶. Исходя из темы исследования, мы коснемся лишь одной из них, а именно – воздействия правительства и местных властей на социальное поведение мусульман.

В отличие от Северного Кавказа, где с целью усиления движения мухаджирства местные власти применяли в отношении коренных народов меры принуждения⁷, в Крыму наблюдался иной сценарий поведения администрации, которому был присущ сдержанный подход.

«Первый звонок» изменения отношения окружения нового российского императора к крымским татарам прозвучал в «Высочайшей грамоте населению Таврической губернии» от 26 августа 1856 г. В ней благодарность за патриотический подвиг в дни Крымской вой-

ны объявлялась «коренным русским» и «юным поселенцам иноного племени»⁸: в списке отсутствовали и крымские татары, и ногайцы материковых уездов губернии.

О новых веяниях в столице губернские власти были осведомлены еще ранее. Министр государственных имуществ П.Д.Киселев сообщил в местную палату государственных имуществ конфиденциальную информацию: после доклада генерал-адъютанта Лидерса 18 мая 1856 г. об эмиграции крымских татар в Османское государство, император Александр II заявил, что «нет никакой причины налагать какое-либо препятствие к тайному или явному переселению крымских татар в Турцию, а, напротив того, надлежит рассматривать представляющий в настоящем обстоятельствах случай к их добровольному переселению весьма благоприятным для освобождения Края от этого *вредного населения* [курсивом выделено нами. – И.З.]»⁹. Итак, под воздействием поражения в Крымской войне и высочайших докладов высокопоставленных чиновников, российский государь в 1856 г. заговорил о крымских татарах как «вредном» народе, что повлияло и на внутривластный курс правительства, и на действия губернской администрации. Теперь вынужденная эмиграция крымских татар воспринималась правительственными кругами как добровольное переселение «вредного населения», освобождение от которых является благоприятным обстоятельством для дальнейшей

судьбы Крыма¹⁰. Представители дома Романовых часто отдыхали в Крыму и были в курсе о существующих местных экономических проблемах. В экономическом плане массовая эмиграция означала открытие новых возможностей для русской колонизации, с которой проправительственные круги связывали успехи в экономическом развитии полуострова¹¹.

Посведениям А. Воскресенского, в 1856 г. «в течение первых четырех месяцев эмиграция увлекла с полуострова до 100 тысяч душ», и в том же году учреждена землеустроительная комиссия, деятельность которой была приостановлена в 1857 г.¹²

В событиях 1860 г., когда историческую родину покинуло основная часть эмигрировавших в 1860–1862 гг., вновь ключевую роль сыграли вышеприведенные слова императора о крымских татарах. Предписание таврического губернатора Г. В. Жуковского от 28 марта 1860 г. не отклонять крымских татар и ногайцев от намерения переселиться и без всякого вымогательства и стеснения оперативно выдавать необходимые документы, завершалось словами государя о том, что не только не следует стеснять татар в переселении, а рассматривать предстоящий случай весьма благоприятным для освобождения их от края. Это предписание неумышленно было доведено до всех волостных и сельских правлений¹³. Среди нескольких причин движения мухаджиров граф Э. И. Тобелен, командированный в Крым осенью

1860 г. императором для выявления истинных мотиваций массовой эмиграции мусульман, выделяет в качестве первого именно это обстоятельство¹⁴. Таким образом, неумышленно распространенная самим губернатором информация, не оставляла сомнения в истинности слов российского государя, именно это обстоятельство стало переломным в социальном самочувствии крымских татар и ногайцев и в формировании в общественном сознании мусульман устойчивого мнения о том, что «они навсегда потеряли милость царя». На этот момент обращает внимание и исследователь А. Сергеев¹⁵.

Сначала губернское начальство, пишет Г. П. Левицкий, воображая, что это «добровольное выселение татар совпадает с желанием самого правительства и, следуя, впрочем, буквальному смыслу приказаний свыше, придало этому делу характер общей меры и затребовало по уездам, волостям и сельским обществам списки желающих переселиться»¹⁶.

В унисон с властями действовало губернское дворянство, которое в начале августа 1860 г. на своем чрезвычайном съезде постановило, что «гораздо полезнее озаботиться не задерживанием татар, а мерами немедленного доставления краю новых обитателей»¹⁷. 20 августа на заседании губернского переселенческого комитета прибывший в Симферополь директор первого департамента МГИ Н. А. Гернгрос, объясняя цель своей командировки, заявил, что государю импе-

ратору неудобно удерживать татар и что Его Величество изволит смотреть на выселение их, как на фактор благоприятный, потому что они неспособны к земледелию, развитие и усовершенствование коего в Крыму «весьма нежелательно»¹⁸, тем самым придавая ясность тому, что приостановка выдачи паспортов была мерой временной и «местной», эмиграция будет продолжаться, а МГИ заселит пустующие земли русскими государственными крестьянами малоземельных губерний¹⁹. Усиливая напряженную ситуацию, во время объезда губернии столичный чиновник часто повторял о «бесплезности» татарского населения, рекомендовал не препятствовать его выселению. Во время встречи с дворянами губернии, Н.А.Гернгрос заявил, что «государь император

полагает счастливой случайностью выселение татар, с которыми восстанавливается будущее благосостояние края, так долго задержанного в своем процветании»²⁰.

Властями фиксировалось количество уехавших, получивших заграничные паспорта, и остающихся в Крыму мусульман-поселян, благодаря чему губернские власти вскоре осознали масштабы невосполнимых потерь для экономики Крыма от массового выезда мусульман²¹. В сентябре 1860 г. местные власти, кардинально пересмотрев свою линию поведения, стали агитировать, чтобы мусульмане не уезжали, уверяя, что «правительство их не вытесняет». Однако лишь после прибытия в конце 1860 г. по указанию Александра II князя Васильчикова эмиграционное движение постепенно свернулось²².

Таблица №1. Численность крымских татар и ногайцев Таврической губернии, выехавших в Турцию в 1860–1862 гг.²³

Этнические группы	Мужского пола	Женского пола	Обоего пола
Крымские татары	74211	88149	162360
Ногайцы	27859	22822	50681
Всего	102070	110971	213041

Согласно таблице №1, в 1860–1862 гг. мухаджирами стали 162360 крымских татар, если к ним прибавить выехавших 50681 ногайцев, получается огромная цифра – 162360. По сведениям канцелярии таврического губернатора, на сентябрь 1866 г. в крае оставалось 102951 мусульман (38,8% от прежнего состава); вследствие выезда практически всех ногайцев, в этническом плане они были пред-

ставлены крымскими татарами. Массовая эмиграция затронула 784 селений²⁴, часть которых опустела.

Таблица №1 наглядно свидетельствует о том, что в результате массовой эмиграции конфессиональный состав населения края претерпел кардинальные изменения, теперь Таврида по удельному весу мусульман ничем не отличалась от «внутренних» губерний. Вследствие отсутствия точных

статистических данных на начало 1860-х гг. о численности мусульман в округах ТМДП и ОМДС – существовавших на тот момент ре-

лигиозных управлений – обратимся к материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Таблица № 2. Соотношение численности мусульман в Тавриде и губерниях Волго-Уральского региона и Западной Сибири в 1897 г.²⁵

Губернии	Душ об. пола	Удельный вес в губ.	Соотношение с мусульманами Тавриды
Таврическая ²⁶	190800	13,2	1:1
Астраханская	307379	30,60	1,6:1
Вятская	129530	4,27	0,7:1
Казанская	625847	28,75	3,3:1
Нижегородская	40407	2,62	0,2:1
Оренбургская	362799	22,66	1,9:1
Пензенская	58546	3,98	0,3:1
Пермская	146460	4,96	0,8:1
Рязанская	4861	0,27	0,03:1
Самарская	285013	10,37	1,5:1
Саратовская	94377	3,92	0,5:1
Симбирская	131973	8,63	0,7:1
Тамбовская	15678	0,58	0,08:1
Уфимская	1098982	50,03	5,8:1
Тобольская	64152	4,47	0,3:1
Тобольская	40833	2,12	0,2:1

Если даже сделать некоторую скидку на движение эмиграции 1874 г., то можно уверенно констатировать, что с середины 1860-х гг. по численности мусульман Таврида занимала лишь шестую позицию после Уфимской, Астраханской, Казанской, Оренбургской и Самарской губерний, а по их удельному весу – четвертое место (13,2%) (в последнем случае такое соотношение сформировалось по мере активизации русской колонизации).

Демографический фактор, этноконфессиональная топография края, наряду с формой управления являлись ключевыми маркерами определения фронтальных зон империи. Важнейшим рубежом в ин-

теграции Таврической области в общеимперское политико-административное пространство явилось преобразование ее в 1802 г. в губернию. Административная реформа стала точкой отсчета трансформации фронта-региона во «внутреннюю» губернию²⁷, где действовала общеимперская система управления, хотя и сохранялись «родимые пятна» специфического статуса некоторых групп населения. Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство (Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии), по мнению К.Маццато, «успела к середине XIX века ассимилироваться в общероссийское правовое пространство»²⁸.

Новый взгляд правительственных кругов на государственно-исламские отношения в Таврической губернии способствовал инициативе МВД по реформированию духовных дел крымских татар. Принимая во внимание, что после массового движения мухаджиров «изменилось распределение мусульманского населения в пределах империи, и разграничение местностей подведомственных двум нашим магометанским учреждениям сделалось менее соответствующим действительным потребностям успешного управления», в начале 1861 г. министр внутренних дел С.С.Ланской обратился к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору А.Г.Строганов с вопросом: «не следует ли сделать какие-либо изменения в личном составе Таврического магометанского духовного правления или перенести настоящее местопребывание данного религиозного управления»²⁹. Генерал-адъютант А.Г.Строганов в своем ответе от 31 марта 1861 г. за №2433 заявил о затруднении в настоящее время дать какое-либо заключение по этим вопросам «пока не выясняется намерение остающегося еще в Крыму татарского населения»³⁰. Как следует из ответа, предстоящие реформы генерал-губернатор, в ведении которого находилась Таврическая губерния, связывал с окончательными результатами движения мухаджиров. Граф брал паузу, воздерживаясь от активных действий по реорганизации управления духовными делами мусуль-

ман, настоятельно рекомендованной МВД.

Очевидно, подходы генерал-губернатора А.Г.Строганова и имперского центра на ускоренное реорганизацию системы управления духовных дел крымских татар не совпадали. В этот период головной болью местных властей являлся учет частных и духовных вакуффов, оставшихся бесхозными или незаконно присвоенными новыми хозяевами после массовой эмиграции крымских татар и духовенства. Нелишне отметить, что кадастровые мероприятия 1830-е гг. по документированию вакуффов остались незавершенными и к началу 1860-х гг. система контроля над вакуфами пришла в совершенный упадок³¹. Из-за начавшегося, по определению таврического генерал-губернатора, «хаоса» и «беспорядочности» действий эмигрировавшего мусульманского духовенства, ТМДП, призванное осуществлять контроль и учет вакуфного имущества мусульман, «не смогло собрать достоверную информацию и решить проблему фиксации покинутых духовных вакуффов, с целью их дальнейшего использования»³². Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор А.Г.Строганов еще в 1859 г. приостановил продажу частных вакуффов, с 23 мая 1861 г. – и продажу духовных вакуффов до составления ТМДП новых уточненных их описей³³. К ситуации в Крыму весьма точно подходит определение К. Мацузато о том, что «генерал-хозяйственники», к которым исследователь относит и

новороссийских и бессарабских генерал-губернаторов, «рассматривали даже потенциально сугубо политические проблемы с чисто хозяйственной точки зрения»³⁴.

Итак, массовая вынужденная эмиграция крымских татар и ногайцев в после Крымской войны привела не только к резкому уменьшению численности мусульман, но и сокращению их удельного веса среди населения губернии. Запутанность вакуфной проблемы, без упорядочения которой не представлялось возможным дальнейшая контролируемая властями колонизация губернии, и продолжение движения мухаджиров явились главными факторами неприятия генерал-губернатором А.Г.Строгановым предложения МВД по пересмотру состава ТМДП и перевода его места расположения. Если изменение состава религиозного управления, предусматривал, скорее всего, сокращение численности его членов, то перевод места его расположения означал не просто смену его юридического и фактического адреса, а

нечто большее. Можно выдвинуть два предположения. Первое – возможная приписка ТМДМ к Таврическому губернскому правлению [такой проект появился в 1869 г. – И.З.], второе – возможное слияние ОМДС и ТМДП. Дальнейшее изучение источников, надеюсь, прояснить этот вопрос.

Резюмируя, следует отметить, что проект МВД 1861 г. о реорганизации Таврического магометанского духовного правления не состоялся благодаря приоритетности во властной иерархии империи статуса института генерал-губернаторства, который определял подходы и вектор направления решения местных проблем, в том числе и по «мусульманской теме». Именно «земельный вопрос», который замыкался ТМДП, и необходимость учета вакуфов упраздненных мечетей, вследствие массового переселения крымских татар, стали главными причинами приостановки инициативы центральной власти в сфере государственно-исламских отношений в Таврической губернии.

Список сокращений:

МВД – Министерство внутренних дел
МГИ – Министерство государственных имуществ
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16011.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 36.

- 2 Загидуллин И.К. Татарское национальное движение 1860–1905 гг. Казань: Татар.кн. изд-во, 2014. С. 279.
- 3 Маркевич А. Заключение // Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам / Сост. А. Маркевич // ИТУАК. 1905. №37. С. 259.
- 4 А.У. О заселении Крыма новыми переселенцами // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 258.
- 5 Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. №10. С. 605–606; Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // ИТУАК. 1913. №49. С. 198.
- 6 Помимо известия о выселении татар из Крыма, Тотбелен также указывает на факт открытия в Мелитополе новой епархии, что привело к слухам о крещении татар, о публикациях во всех газетах известий о том, что после покорения Дагестана было обнародовано об учреждении обществ, имеющих целью крещении мусульман, наконец, о слухе о распространении на них рекрутской повинности (О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И.Тотбелена. Сообщил С.П.Зыков // Русская старина. 1893. Июнь. С. 536–537).
- 7 Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. Издание 2-е, испр. Ставрополь, 1984. С. 69; Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 155–169 .
- 8 Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам / сост. А. Маркевич // ИТУАК. 1905. №37. С. 257–258.
- 9 Там же. С. 257–258.
- 10 Щербань Н. Переселение крымских татар // Русский вестник. Современная летопись. 1860. Ноябрь. Книга вторая. С. 212.
- 11 Там же. С. 221–223.
- 12 Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайретдинова З.З.]. Симферополь: Элиньо, 2009. С. 227.
- 13 О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотбелена. Сообщил С.П. Зыков // Русская старина. 1893. Июнь. С. 537–538.
- 14 О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотбелена. Сообщил С.П. Зыков // Русская старина. 1893. Июнь. С. 528.
- 15 Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // ТУАК. 1913. №49. С. 212.
- 16 Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. №10. С.627.
- 17 Щербань Н. Переселение крымских татар // Русский вестник. Современная летопись. 1860. Ноябрь. Книга вторая. С. 221–223.
- 18 Амет Озенбашлы. Указ. соч. С.133.
- 19 Амет Озенбашлы. Указ. соч. С.133; Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII – начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. Симферополь, 2013. С. 215.
- 20 Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // ТУАК. 1913. №49. С. 212. О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотбелена. Сообщил С.П. Зыков // Русская старина. 1893. Июнь. С. 539–540.
- 21 «Когда движение сделалось повсеместным, виновники этого неестественного опустения края как бы испугались своей неосторожности, когда к татарам присоединились еще и ногайцы, они вздумали вернуться назад и различными ограничениями удержать народ, но было уже слишком поздно», – пишет Г.П.Левицкий (Левицкий Г.П. Указ. соч. С. 627).
- 22 Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // ТУАК. 1913. №49. С. 212–213.
- 23 Составлено по сведениям: Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // ТУАК. 1913. №49. С. 210. Список А. Сергеевым составлен с вычетом паспортов, отобранных губернскими администрацией у тех мусульман, которые остались на исторической родине.
- 24 Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченных из дел Таврической дирекции училищ других местных источников директором Таврических училищ Марковым // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инород-

цев. СПб. Типогр. Тов-ва «Общественная польза», 1869. С. 101–102.

25 Загидуллин И.К. Татарское национальное движение 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 19; Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В.Вашкевича: сборник документов / Сост., авт. предисл., прим. и сокр., сост. указ. И.К.Загидуллин. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу, 2016. С. 9.

26 В округ ТМДП также входила локальная группа польско-литовских татар в Западных губерниях, статистические сведения о которых здесь не стали приводить.

27 Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII – начало XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 6.

28 Мацузато Кимитака. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская истории постсоветского пространства: сборник статей (Библиотека журнала *Ab Imperio* / Под ред. И.В.Герасимова, С.В.Глебова, А.П.Каплуновского, М.Б.Могильнер, А.М.Семёнова. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004. С. 457.

29 РГИА, ф.821, оп.8. д.594, л.53, 56.

30 РГИА, ф.821, оп.8. д.605, л.34–34 об.

31 РГИА, ф.821, оп.8. д.605, л.74–74 об.

32 Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII – начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. Симферополь, 2013. С. 125.

33 Там же. С. 125.

34 Мацузато Кимитака. Указ. соч. С. 451, 457.

Сведения об авторе: Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, e-mail: zagik63@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются мотивы появления в начале 1861 г. в стенах Министерства внутренних дел проекта реорганизации Таврического магометанского духовного правления. В качестве причин отказа руководства Новороссии от реализации данного предложения называются: продолжение в Таврической губернии движения эмиграции крымских татар в Турцию и запутанность вакуфных земельных угодий, которых контролировало религиозное управление.

Ключевые слова: государственно-исламские отношения, Таврическое магометанское духовное правление, Крымская война 1853–1856 гг., движение эмиграции.

Abstract: The article examines motives for the appearance in the beginning of 1861 within the walls of the Ministry of internal affairs of a project for the reorganization of the Taurian Mohammedan spiritual government. The reasons for refusal of Novorossiia leadership from the implementation of this proposal are explained by continuation of the Crimean Tatars emigration movement in the Tauride Gubernia to Turkey and the confusion of the vacuic lands that were controlled by religious management.

Keywords: state-Islamic relations, Taurian Mohammedan spiritual rule, Crimean War of 1853-1856, emigration movement.

УРАЛЬСКИЙ УЧЕНЫЙ-ТУКАЕВЕД

3.3. Рамеев, доктор филологических наук

Двенадцать лет своей короткой, но яркой жизни выдающийся поэт Габдулла Тукай (1886–1913) прожил в г. Уральск (ныне Республика Казахстан). Девятилетним мальчиком он прибыл в этот город, преодолев длинный путь, продолжительностью в восемнадцать дней, зимой 1895 г. И, наконец, избавившись от постоянной неустроенности, обрел пристанище в семье тети по имени Газиза (сестра отца; в городе жила и другая Газиза – сестра Габдуллы, от первой жены отца). Здесь в течение почти одиннадцати лет он учился в медресе Мутыгуллы-хазрета Тухватуллина, также посещал и русский класс при медресе, превратившись, в конечном счете, в личность с активной жизненной позицией. XX век, вступивший на арену истории, привнес много нового в общественно-политическую жизнь народов России, в том числе, и в многонациональный город Уральск. События русско-японской войны и революционные события втянули в свой водоворот и юного Тукая. Камиль Мутыги, в 1904 г. начав выпускать при медресе рукописный журнал «аль-Гаср аль-Джадид», открыл перед Тукаем возможность пробы пера. Вскоре в городе стали официально издаваться газета «Фикер» (1905–1907), журналы «аль-Гаср аль-Джадид» (1906–1907) и «Уклар» (1906). В этих изданиях частенько стали появляться

стихотворения, известившие, что в татарскую литературу пришел талантливый поэт Габдулла Тукай. С первых шагов своего творчества он заявил о себе как об остром публицисте и общественном деятеле. И, вернувшись в 1907 г. в «родимую, светозарную» Казань, он не будет забывать мгновения жизни, проведенные в Уральске, в котором «жил надеждой людям пользу принести». Даже тогда, когда из маленького Апуша превратился в признанного в татарском мире поэта.

Уральск, пограничный город, расположенный на стыке цивилизаций, приютил сироту, открыл перед ним возможности близкого знакомства с духовными богатствами Востока и Запада, поиска смысла жизни, развития его поэтического таланта. Мы благодарны Уральску, своим соплеменникам, а также представителям других народов, сохранившим память о великом татарском поэте Габдулле Тукае.

Если наши чувства и переживания оживают в душе в связи с городом Уральск, который вправе считаться второй родиной Тукая, то, желание посетить этот город, пройтись по его улицам, по которым когда-то ходил, дышал его воздухом Тукай, увидеть место слияния рек Урала и Чагана, где он ловил рыбу, возникает непременно. Впрочем, подобные желания вполне осуществимы. Но следы Тукая в Уральске

не ограничиваются только этим. Сохранился ли дом тети Газизы, приютивший прибывшего холодной зимой в этот город Тукая? Где и в каком состоянии дом большого семейства учителя Тукая Мутыгулла-хазрета Тухватуллина, сохранилось ли здание, в котором издавалась газета «Фикер»? Не постигла ли уральскую гостиницу «Казань» участь казанской гостиницы «Болгар»? Вопросов много...

Справедливости ради следует сказать, что при всей изученности творчества Тукая, памятные места, связанные с его пребыванием в Уральске, в советский период практически были на грани исчезновения.

Слава Аллаху, в Уральске еще нашлись истинные интеллигенты, которые переживали по поводу утраты памяти о национальном поэте, понимали необходимость действенных мероприятий. И среди таких наших соплеменников оказался отличившийся своей прозорливостью Разак-ага Абузяров. Именно его стараниями – доктора педагогических наук, профессора Разака Абузярова, на протяжении 26 лет руководившего кафедрой методики преподавания русского языка Западно-Казахстанского университета им. М.Утемисова, в конце XX века были сделаны первые кардинальные шаги по восстановлению и сохранению для будущих поколений памятных мест пребывания Тукая в Уральске. Первое мероприятие (юбилейный вечер) было проведено в 1995 г. в здании областной филармонии в

связи с приездом Тукая в Уральск (1895 г.). В эти дни в Уральске под руководством Разака Абузярова был создан Тукаевский центр, а с 2007 г. он начинает действовать в качестве Евразийского центра Габдуллы Тукая¹. Его неустанная деятельность по возрождению памяти великого Тукая и его соплеменников получила признание и общественностью Казани.

Мероприятия этого Центра, проводимые на протяжении двух десятков лет, чрезвычайно разнообразны. Но все же два направления в его деятельности я считаю особенно важными. Первое, видимо, главное, это изучение жизни и творческого наследия Тукая уральского периода. В рамках одной статьи об усилиях профессора Р.Абузярова в данном направлении, обо всех мероприятиях, проведенных благодаря его стараниям, достойных восхищения, подробно написать практически невозможно, Но все-таки считаю своим долгом остановиться на некоторых из них:

1) 30 октября 2001 г. на 115-летие поэта был открыт памятник (бюст), скульптор – М.Гасимов, архитекторы – С.Айдаров, А.Галиев, Р.Вафиев;

2) Был отреставрирован дом Мутыгуллы Тухватуллина, 12 декабря 2006 г. там был открыт музей Габдуллы Тукая.

3) Пришедшее в начале XXI века в полную непригодность здание Красной мечети, игравшей важную роль в жизни Тукая, было восстановлено, мечеть стала выполнять свою сакральную обязанность.

Такие серьезные дела требуют, разумеется, чрезвычайной кропотливости. Но, главный инициатор, самый активный тукаевед Уральска Раззак-эфенди не из тех, кто пасует перед трудностями. Это решительный, если хотите, упертый человек. Если он что-то задумывал, то обязательно искал и находил пути их реализации. В случае необходимости он выходил с просьбой на руководителей правительственных органов обоих республик, на Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева и на первого Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева. Спасибо нашим руководителям, несмотря на перегруженность государственными делами, они проникались просьбами Р.А.Абузярова, понимая значимость предлагаемых им мероприятий, всегда протягивали руку помощи.

Хочется отметить еще следующее: уважаемый профессор Раззак Абузяров – личность, имеющая за плечами богатый опыт в научно-практической и организаторской области. Строительство и реставрация зданий, организация выставок, сбор материалов для музеев требуют больших материальных вложений. И в России, и в Казахстане люди науки – люди скромных финансовых возможностей. Но понимающих, чем занимается Р.Абузяров, и желающих ему помочь, среди бизнесменов и предпринимателей Уральска нашлось. Из них следует особенно выделить Ришата Хайруллина, вложившего в реставрацию Красной мечети мил-

лионы. На это богоугодное дело Р.Хайруллин потратил даже сбережения матери. Его примеру последовали Раниль Халилов, Ринат Садыков.

Труд, который Раззак-ага вложил в дело поиска и восстановления всего того, что связано в Уральске с именем Тукая, трудно переоценить. В то же время, как мы уже отмечали, он еще и большой ученый, внесший существенный вклад в научно-теоретическое изучение творческого наследия Тукая, а также в доведении до наших современников его мировоззренческой сущности и художественного своеобразия. На протяжении последних двадцати лет профессор Р.Абузяров был инициатором и организатором многочисленных конференций, выносивших на обсуждение масштабные проблемы: например, «К истокам евразийской культуры» (1997)², «Творчество Тукая в контексте евразийской культуры» (2002)³, «К истокам евразийской культуры. Осмысление. Проблемы» (2005), посвященной тысячелетию Казани, 120-летию поэта «Евразийские истоки творчества Габдуллы Тукая» (2006), 100-летию приезда Тукая в Уральск «Проблемы формирования евразийского мышления (паритетного евразийства)» (2007)⁴. Хочу особо выделить конференцию 2011 г., посвященную 125-летию Тукая, рассмотревшую философское содержание его поэзии в связи с исламским Ренессансом. В мае 2012 г. нам, делегации татарских ученых, пришлось выступить

на международной научно-практической конференции «Проблемы формирования общечеловеческих ценностей в системе образования в контексте культуры мира», отличавшейся новыми теоретическими подходами к изучению творчества Тукая. В 2016 г. была проведена международная конференция «Мир Тукая: философия, эстетика, язык», посвященная 130-летию со дня рождения Тукая, основными проблемами которой были исследование творческого наследия поэта в контексте восточной и западной философии, литературно-эстетической мысли.

В целом, с тех пор, как в Уральске начал функционировать Тукаевский центр под руководством Р.Абузярова, в докладах, выступлениях, рекомендациях, производимых на конференциях при участии ученых России и национальных республик, доминирует теоретическая мысль, подкрепленная многочисленными новыми фактами. В наше непростое время в независимом государстве Казахстан, а также в России проводятся интересные исследования по выявлению роли Евразии в сохранении духовных ценностей, которую одним из первых выдвинул Н.Назарбаев. Хочу особо подчеркнуть, что Р.А.Абузяров и его единомышленники и в данном случае на основе творчества Тукая вели речь об исламской философии, исламском Ренессансе. Доказательством тому служит книга, написанная Р.Абузяровым вместе с супругой Зоей Туаевой, «Исламский ренес-

санс: Коран, Наука, Этика, Просвещение, Культура»⁵.

Один из товарищей, в свое время обучавшийся с Р.Абузяровым в аспирантуре в Московском институте национальных школ, приводит слова директора этого института: «Если нашего Абузярова прогонишь от дверей, он лезет в окно, молодец, везде успеваешь». И казанские ученые, хорошо знающие эту черту его характера, им только восхищаются. Видимо, в наше непростое время иначе и невозможно изучение биографии, творческого пути Габдуллы Тукая, его связей с тюркскими и мировой литературой.

Под руководством Разак-ага в Уральске проведена колоссальная работа по увековечиванию памяти поэта, по исследованию его творчества. В данной статье мы упомянули лишь отдельные факты его научной деятельности. Масштабная деятельность Тукаевского центра довольно полно отражена в книге Р.А.Абузярова и Т.А.Каримова «История Евразийского центра Габдуллы Тукая» (Уральск, 2011). Это и публикации многочисленных сборников и книг, статей в Казахстане и Татарстане, выступления по радио и телевидению, участие в тукаевских чтениях в Казани, проведение юбилеев в Уральске, создание видеофильмов, внеклассные мероприятия в школах, дипломные работы студентов, выставки и др.

Разумеется, Р.Абузяров свою деятельность осуществлял, опираясь на поддержку многочисленных

единомышленников, а также кандидата педагогических наук, жены Зои Ивановны Туаевой, представителей местных властей Казахстана. Их имена, разумеется, следовало бы особо отметить, но в данном случае мы ограничиваемся лишь выражением своей благодарности.

Разак Абрахманович родился в горном селе Лепсинск Талды-Курганской области. У татар есть выражение, что человек гор – это охотник, борец («тау кешесе – яу кешесе»). Наш Разак ага большую часть своей 85-летней жизни он посвятил «охоте» за наукой. И ре-

зультат налицо: сегодня он – известный, талантливый ученый, организатор серьезных научных поисков, опытный педагог, общественный деятель. Его плодотворная научно-организационная деятельность служит для нас образцом для подражания. Мы бесконечно благодарны профессору Разаку Абдрахмановичу Абузярову за самоотверженный титанический труд в деле изучения творческого наследия и увековечения памяти великого татарского поэта Габдуллы Тукая в городе Уральске, ставшем его второй литературной Родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 Абузяров Р.А., Каримов Т.А. История Евразийского центра Габдуллы Тукая. Уральск: Издательский центр и СМИ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2011. – 206 с. (Эта книга в том же году издана повторно, в тексте имеются различия; объем книги и тираж не изменены).

2 К истокам евразийской культуры. Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная Габдулле Тукаю. Уральск, 14–17 мая 1997 г. (Книга материалов вышла в Казани в 1998 г. – 148 с.).

3 Творчество Тукая в контексте евразийской культуры. Материалы конференции. Казань: Фикер, 2002. – 176 с.

4 Проблемы формирования евразийского мышления (паритетного евразийства). Материалы международной научно-практической конференции. Уральск, 2008. – 220 с.

5 Абузяров Р.А., Туаева З.И. Исламский ренессанс: Коран, Наука, Этика, Просвещение, Культура. Материалы по духовно-нравственному воспитанию молодежи. Уральск, 2009. – 168 с.

6 О нем см.: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы формирования общечеловеческих ценностей в системе образования в контексте культуры мира». 16–17 мая. 2012. Уральск, 2012. С. 4–20; «Управлять своей судьбой, а не плыть куда понесет». К 75-летию профессора Абузярова Р.А. Уральск, 2007. – 42 с.; Рэмиев З.З., Ганиева Р.К. Тукайны Жаекта «яшәтүче» // Мәдәни жомга. 2012. – 13 июль.

Сведения об авторе: Зуфар Зайниевич Рамеев, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, профессор, e-mail:

Аннотация: Данная статья посвящена краткому анализу научной и научно-общественной деятельности профессора Западно-Казахстанского государственного университета Разака Абдрахмановича Абузярова, направленной прежде всего на изучение и

письменного наследия классика татарской поэзии Габдуллы Тукая, а также памятных мест, связанных с его пребыванием здесь – в г. Уральске 12 лет (1895–1907) и ставшего уже в 1905–1907 гг. видным поэтом, публицистом и журналистом.

Ключевые слова: Абузяров, Уральск, Евразийский центр Тукая, научные конференции, Исламский ренессанс, газета «Фикер», Казахстан.

Abstract: This article is devoted to a brief analysis of the scientific and scientific-public activities of West Kazakhstan State University professor Razak Abdrakhmanovich Abuzyarov, aimed primarily at studying the written heritage of Gabdulla Tukai - the classic of Tatar poetry, as well as memorable places related to his stay here - in the city of Uralsk for 12 years (1895-1907) and became already in 1905-1907 a prominent poet and journalist.

Keywords: Abuzyarov, Uralsk, Eurasian Center of Tukay, scientific conferences, Islamic Renaissance, newspaper "Fiker", Kazakhstan.

ИЗ ИСТОРИИ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР»

«Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур» – так звучала тема первой в России научно-практической конференции по проблемам русскоязычной литературы, состоявшейся в г. Казани в 2011 году и посвященной 75-летию со дня рождения известного татарстанского писателя Рустема Кутуя. Конференция была проведена на средства гранта РГНФ. Среди участников были представители научной общественности и студенты вузов Татарстана, Поволжья и Урала. Гостем мероприятия стал известный писатель, руководитель Российского Детского фонда Альберт Лиханов. На конференции были обсуждены следующие темы: творчество русскоязычных писателей в системе национальных культур, языковое пространство художественного текста и проблемы перевода, художественный мир Рустема Кутуя. По итогам был издан сборник, включивший в себя не только научные статьи, но и избранные произведения Р.А.Кутуя, эссе о нем и его творчестве.

В 2016 году к 80-летию Р.А.Кутуя в Казани был организован «Кутуй-фест» (далее – Фестиваль), в рамках которого состоялась научно-практическая конференция, изменившая свой статус на между-

народную, и была она вновь посвящена межнациональному диалогу литератур. Среди его организаторов и участников были заявлены: Академия наук Республики Татарстан, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, Казанский федеральный университет, Министерство культуры Республики Татарстан, Республиканская юношеская библиотека, Литературно-мемориальный музей М.Горького, Татарское региональное отделение Петровской академия науки и искусств, Союз писателей Республики Татарстан, Татарстанское отделение Союза российских писателей.

На конференции был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с изучением особенностей творчества русских и русскоязычных писателей в контексте поликультурной среды.

Участниками стали представители культурной и научной общественности городов Казани, Москвы и Санкт-Петербурга, а также республик Поволжья, России, Абхазии, Белоруссии, Казахстан, Армении, США и др. В ходе конференции были продемонстрированы видеосюжеты с участием Р.Кутуя, архивные фотографии, аудиозаписи. Участникам конференции была предоставлена возможность приобрести книги русскоязыч-

ных авторов Татарстана: Р.Кутуя, А.Абсалямовой, Н.Ахуновой, Д.Валеева, Н.Ишмухаметова, А.Каримовой, Р.Кожевниковой, А.Мушинского, А.Сахибзадинова, Р. Сабирова, а также Антологии русской прозы Татарстана «Когда вернусь в казанские снега...», авторами-составителями которой являются член СП РТ Р.Сабиров и кандидат филологических наук М.Небольсина, а также книги из серии «История татар в лицах», изданной к юбилею писателя, «Рустем Кутуй» (автор М.Небольсина).

17 ноября 2017 года в рамках очередного Фестиваля состоится Вторая международная конференция по русскоязычной литературе. Тема ее «Городские мотивы, сюжеты и образы в литературе и искусстве 20–21 вв.», что не исключает дискуссий по проблемам межкультурного диалога литератур. Инициатором и куратором конференций является кандидат филологических наук М.В.Небольсина, организатором и модератором – доктор педагогических наук, профессор КФУ А.Ф.Галимуллина.

РУСТЕМ КУТУЙ (1936–2010)

Рустем Адельшевич Кутуй родился в г. Казани 11 ноября 1936 года в семье известного татарского литератора Аделя Кутуя. В 1960 году закончил Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина. Работал в Татарском книжном издательстве, на Казанской телестудии. С 1964 года перешел на профессиональную писательскую работу. Поэт, писатель, философ, переводчик. С 1993 года стал одним из создателей журнала «Казань», в редакции которого проработал до конца своих дней. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан, лауреат премии журнала «Смена» за повесть «Рыжики в июле» (1984), литературной премии им. М.Горького в номинации «За честь и достоинство» (2005), Всероссийской литературной премии имени Г.Державина за книгу поэзии «Профиль ветра» (2009)

издал около пятидесяти книг произведений поэзии и прозы. Умер 7 января 2010 года.

В предисловии к первому тому избранных сочинений Р.Кутуя его вдова Светлана Хозина, подготавлившая это издание вместе с главным редактором журнала «Казань» Юрием Балашовым, пишет: «Рустем Кутуй, поэт и прозаик, родился и прожил свою жизнь в Казани. И считал себя поэтом казанским. И считал себя ее «законным сыном» – «...моя Казань, моя духовная обитель». Нежно и преданно любил свой город, старые дворы, где прошло его детство, с закоулками, дощатыми сараями, лавочками, добродушными дворнягами, округу с «историческими» домами, спусками к речке Казанке, древний кремль с загадочной башней Сююмбике, базары, не шибко богатые, предместья, разноязыкий говорок жителей. А

еще – волжские просторы, крутые берега, плесы...

И написал почти за полувек десятки книг стихов, рассказов, повестей, эссе, вплетая в запечатленный памятью мир, населенный судьбами людей, автобиографические подробности. Пояснял: «Я старуюсь писать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какую я выбрал с надеждой на выздоровление».

Р.А.Кутуй – автор многочисленных переводов татарских авторов на русский язык: Сибгата Хакима, Салиха Батгала, Нури Арсланова, Рауля Файзуллина, Мударриса Аглямова, Ракиля Зайдуллы, Амирхана Еники, Вакифа Нуруллина, Магсума Насыбуллина и др.

Рустем Кутуй писал на русском языке, но и татарская культура может гордиться талантом писателя, считая его своим достоянием, и русская литература никогда не отречется от тончайшего лирика Рустема Кутуя – «татарина русской поэзии», как называли его и критики, и почитатели.

С 2011 года вопросы эволюции творческой индивидуальности, особенностей творчества Р.А.Кутуя вошли в научный оборот и стали темами научных исследований не только в Казани, но и в других городах России. Сегодня мы предлагаем Вашему вниманию несколько научных докладов конференции 2016 года.

МАНКУРТЫ ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОБЛЕМА

В.П. Хамидуллина, член Союза писателей РТ

История литературы народов России насчитывает не одну сотню лет. Развиваясь на общем пространстве, имея наряду с расхождениями и ряд точек соприкосновения, сегодня мы можем говорить о взаимном проникновении литератур и создание «межлитературных общностей» (термин Н.И.Конрада). Активизация этого процесса началась после образования СССР и введения единого государственного языка – русского. Как следствие, неотъемлемой частью национальной литературы стало двуязычие. В последнее время особенно заметно развивается русскоязычная литература на всем постсоветском пространстве.

Процессы, происходящие в литературе после развала СССР и отказа от объединяющего понятия «многонациональная советская литература», идентичны, если рассматривать их в масштабе русская: национальная литература (т.е. русская литература, поделенная на составные национальные литературы). В каждом национальном субъекте неизменно возникает вопрос о проблеме русскоязычной литературы, который становится объектом обсуждения на форумах, конференциях, научных, культурных и литературных дискуссий.

В романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» рассказывается о том, как молодого

кипчака Жоламана, сына Доненбая, попавшего в плен к жуаньжуанам, сделали манкуртом. Его мать Найман-Ана долго искала сына, но когда она нашла его, он ее не узнал. Более того, он убил ее по приказу своих хозяев. В переносном смысле слово «манкурт» употребляется для обозначения человека, потерявшего связь со своими корнями, забывшего о своем родстве. Этот термин приобрел особую популярность в Татарстане, Башкортостане и тюркоязычных среднеазиатских республиках в качестве презрительной клички для тех, кто стесняется говорить на родном языке, чуждается собственной культуры и стремится русифицироваться.

Призыв к мультиязыковой модели личности не находит отклика там, где сторонники сохранения и развития национальных ценностей, в том числе и литературы, занимают позицию круговой обороны, не имеющей ничего общего с толерантностью и готовностью к диалогу.

Далее на примере Республики Татарстан попробуем проследить процессы, протекающие в писательской среде, литературно-художественную преемственность, роль русскоязычных литераторов в деле перевода с татарского языка на русский. Современный литературный процесс – это некий синтез и сово-

купность русской, русскоязычной и татарской национальной литератур.

В то же время русская литература татар давно и прочно заняла место в культурном и литературном пространстве России. Писатели, имеющие татарские корни, такие как Г.Державин, Н.Карамзин, М.Лермонтов, Л.Куприн, И.Тургенев, А.Толстой, С.Аксаков, А.Ахматова, И.Бунин, Б.Ахмадуллина, В.Набоков – классики русской литературы.

Литература и искусство, созданные русскоязычными татарами, такими как, М. Львов (Рафкат Маликов), Р. Кутуй, А. Мифтахетдинов, Д. Валеев, Р. Мирхайдаров, Р. Солнцев (Ринат Сутиев), Р.Нуриев, И.Мухамедов, С.Губайдуллина, принадлежат российской и мировой культуре.

Современная русскоязычная литература в нашей республике представлена довольно широко и многогранно: Наиля Ахунова, Альбина Абсалямова, Алена Каримова, Ахат Мушинский, Рамиль Сарчин, Наиль Ишмухаметов, Салават Юзеев, Рустем Сабилов, Лилия Газизова, Айрат Бик-Булатов и многие другие.

При этом не стоит исключать и то, что писатель, родившийся и выросший в национальной среде, уважающий традиции, культуру и обычаи своего народа, несомненно, является его представителем, несмотря на то, что язык его произведений русский, то есть вторичный, не родной.

С другой стороны, писатель, пишущий на чужом для себя языке, адресуя свое произведение читате-

лю, идентичному другой культуре, не в состоянии проникнуться духом этой культуры, следовательно, создать произведение, принятое называть классикой.

Так что же есть такого в русскоязычной литературе, что не дает ей стать полноценной русской и отторгается национальной татарской? Космополитическое видение мира, идея, сюжет, средства изображения или отсутствие языка, как связующего с культурой народа. Или это некий перекокс общественного мнения?

Вот что пишет по поводу русскоязычной татарской интеллигенции татарский писатель Рабит Батулла: «...Так называемые «обрусевшие татары» (я бы назвал их «русскоязычными татарами») значительная часть которых душой болеет за татарский народ; в том, что они не владеют татарским языком не их вина; они стремятся приблизиться к проблемам своего народа, изучают историю, пытаются выучить татарский язык. Но некоторые индивидуумы из кичливых татар своим грубым, бестактным отношением к ним, отталкивают их от общего дела. Отталкиваемые остаются меж двумя огнями, татары их называют «русскими», для русских они все-таки остаются «татарами»¹.

В сущности, это высказывание имеет совершенно очевидную реалистическую подоплеку. Чтобы разобраться, почему сегодня обострилось негативное отношение к русскоязычным писателям, нужно хорошо представлять общие литературные процессы и не только в нашей республике. С развалом

СССР, автоматически прекратили свое существование многие государственные структуры, в их числе и Союз писателей. Сегодня только в Москве насчитывается шесть общественных писательских организаций, не говоря уже о региональных. Это огромное количество так называемых «мыльных пузырей», когда берут числом, а не умением.

Так чем для писателя был Союз писателей СССР? На этот вопрос, в 32 номере «Литературной газеты» от 28 августа 2014 года, народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии РФ Ренат Харис ответил более чем исчерпывающе: «Стать членом Союза писателей было так же сложно, как защитить диссертацию на соискание ученой степени. СП был предметом гордости и радости для писателя. В то же время Союз писателей был вершиной целостной идейно-эстетической, нравственной системы, во многом регулировавшей литературный процесс при помощи Литфонда, своих изданий, издательств, институтов художественного перевода, литературной критики, бюро пропаганды, поощрений и т.д. К ним все писатели – и русские, и нерусские, и молодые, и старшие – имели равный доступ, но до читателя доходили в основном талантливые произведения...».

Если мы сегодня говорим о русскоязычной литературе, как проблеме, то, прежде всего, нужно понимать, что это касается определенной части авторов, при этом мы имеем ввиду узость тем, отсутствие таланта при наличии денег на издания, халтурно-заказные про-

изведения с хорошей финансовой подложкой, при отсутствии профессиональной критики. Но аналогичные проблемы имеют место и в Рязани, и в Москве, то есть это относится вообще к русской литературе. Вопросы художественной ценности произведений – важнейшие вопросы мировой литературы.

Трудно не согласиться, что критерием в литературе были, есть и будут всегда талант писателя и актуальность темы произведения. Именно вместе и никак иначе. Можно бездарно коснуться великой темы, можно талантливо написать роман поносящий страну, где ты родился. Как правило, в этом случае автора ждет успех на Западе, и подобно «Черному квадрату» К.Малевича, нас всех заставят поверить, что перед нами гений, создавший шедевр. Об этом неустанно писал и пишет Захар Прилепин, которого не меньше, чем приверженцев татарской культуры, волнует те же самые вопросы и перекосы в русской культуре: «...Появилось совершенно нелепое определение новым временам – «век информации». Но как сказал один умный человек, «мы знаем все больше и больше о все меньшем и меньшем». Девять десятых получаемой нами информации – мусор. Ежедневно выходя в «мировую паутину» человек потребляет гигабайты чепухи; но давайте спросим себя: помним ли мы наизусть хоть одну народную песню?»².

На наш взгляд проблема билингвализма и как следствие проблема русскоязычной литературы перестает быть проблемой, при пристальном изучении.

Таким образом, русскоязычная литература в Татарстане, как и любая другая, имеет своих читателей, а значит востребована. Русскоязычные писатели внесли и вносят большой вклад в дело художественного перевода, тем самым пропагандируя и продвигая национальную литературу не только на уровень российской, но и мировой литературы. Татарские русскоязычные литераторы от Г.Державина до Р.Бухараева достойные представители своего народа и культуры, так как являлись их знатоками, ценителями и пропагандистами, не являясь при этом носителями татарского языка.

Критик и литературовед Рамиль Сарчин в предисловии к недавно выпущенной библиографии татарского классика Фатиха Карима, дает оценку сути творца, отмечая тем самым само понятие языковых ценностных критериев произведения: «Величина и суть творца измеря-

ется тем, как отражается в жизни и творчестве поэта судьба народа»³.

Сегодня мы говорили о русскоязычной литературе как проблеме. А действительно ли это проблема? Ведь речь идет о писателях-билингвах. Изучая процессы межкультурных и языковых коммуникаций, литературных диалогов, происшедших между Востоком и Западом, Севером и Югом, буддизмом-христианством-иудаизмом-исламом, можно абсолютно однозначно утвердиться в том, что, прежде всего, в процессе диалога культур происходит процесс взаимного обогащения.

Литературные памятники Ирана, Египта, Персии, Греции, Византии, Китая, Древней Руси составляют блистательную сокровищницу народной мудрости не имеющую национальных признаков, но объединяющую всех, кто к ним прикоснулся.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Батулла Рабит. Обрусевшие или русскоязычные. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.tumblr.com/search/>.
- 2 Прилепин Захар. Мой дом – моя глупость. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://elitsy.ru/profile/29700/105251/>.
- 3 Сарчин Р.Ш. Жизнь и судьба Фатиха Карима: библиографический очерк, статьи. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 239 с.

Сведения об авторе: Вера Петровна Хамидуллина, член Союза писателей Республики Татарстан, заслуженный деятель искусств РТ, МБУ ЦФС Центральная городская библиотека, г. Набережные Челны, e-mail: expresstour@yandex.ru

Аннотация: На примере современного литературного процесса в Республике Татарстан автор рассуждает о взаимном обогащении литератур в ходе культурного диалога.

Ключевые слова: русскоязычная литература, билингвизм, диалог культур.

Abstract: The author discusses the mutual enrichment of literatures in the course of cultural dialogue on the example of the contemporary literary process in the Republic of Tatarstan.

Keywords: Russian-language literature, bilingualism, dialogue of cultures.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.И.Ибрагимов, кандидат филологических наук

Понятия «национальная литература» и «национальная идентичность» относятся к числу дискуссионных в современных гуманитарных науках. Проблема идентичности в центре внимания психологов, социологов, политологов. Интерес к ней обусловлен современными социально-политическими вызовами: кризисом западных проектов глобальной культуры и мультикультурализма, ростом количества локальных межэтнических, меж- и внутриконфессиональных конфликтов, последствием которых стали массовые миграции.

В литературоведении проблема идентичности оказывается в плоскости литературной компаративистики, в которой происходит ревизия основополагающих для нее понятий: «мировая литература», «национальная литература».

Применительно к понятию «национальная литература» ученые-компаративисты все чаще высказываются о его относительности в связи с тем, что творчество многих современных писателей не укладывается в прокрустово ложе одной национальной литературы: их идентичность являет собой пример множественной идентичности и формируется на пересечении различных национальных культур. Идентичность современного человека – открытая структура. Высо-

кая степень коммуникативности в эпоху глобализации размыкает границы идентичности: человек все чаще осознает (идентифицирует) себя как человека мира, соотносит свое «Я» с различными национальными культурами.

К писателям, творчество которых может быть рассмотрено как пример идентичности такого типа, в разной степени, можно отнести Рауфа Бухараева, который писал на русском, венгерском, английском языках, но, одновременно, ощущал свою связь с татарской литературой и культурой и остро переживал «забвенье языка», Ильдара Абузярова, воссоздающего в своей прозе образы разных национальных культур (мордовской в «Корильных песнях», японской в «Почте духов», берберской в «Берберке» и пр.), живущего в Мордовии поэта и публициста Камиль Тангалычев, который, по словам американского переводчика его произведений «гордо считает себя как татарским, так и русским поэтом».

В этом же ряду творчество Тимура Пулатова, Тимура Зульфикарова, Афанасия Мамедова, писателей реализующих на постсоветском литературном пространстве принципы эстетики транскультурации.

Применительно к названным писателям (их список при жела-

нии можно продолжить) можно говорить о множественности идентификаций, о способности идентифицировать себя с различными культурами, которую следует отграничивать от моды на этнический колорит, когда другой национальный мир выступает как объект изображения, но не переживается писателем как свой. Примечательны в этой связи слова Р.Бухараева из предисловия к книге стихов «Бесконечный поезд»: «Но в том-то и штука, что ни на один язык/ нельзя смотреть лишь снаружи, поверяя его разве что собственной речью/ Чтобы понять и постичь – нужно войти в этот сад/ и услышать сокровенную музыку листьев, извне звучащую странно,/ а порой и смешно»¹. И еще: «Есть некое сильное откровение в том,/ что двенадцать языков и вызываемые ими щемление сердца/ и терзания разума могут совместиться в единой человеческой душе»². Поэт, рефлексируя о своем многоязычном творчестве, пишет: «Быть может, и даже наверняка, именно эта безысходная тяга к родному,/ почему-то ставшему чужим, это безмерное старание понять,/ почему же есть на свете родное и чужое, всю неразглашенной силой/ своей и сподобила писать стихи на совсем уж чужих языках»³. По сути, здесь высказывается понятная мысль о диалогической природе идентичности: понять «свое», прочувствовать свою слитность с национальной культурой можно, исключительно, диалогически сопоставив ее с другой национальной

культурой (языком).

Диалогическая природа идентичности проявляется и в процессе восприятия художественного произведения. «Горизонт ожидания» читателя, определяется его читательским и жизненным опытом, в том числе, и принадлежностью к определенной национальной культуре. Переживаемая в процессе чтения «национальная идентичность» имеет социально-психологическое основание. Это то, что известный татарский ученый XX века С.Максуди в своем сочинении «Миллият тойгысының социологик эсаслары» («Социологические основания чувства национального») называл словосочетанием «миллият тойгысы» («чувство национального»). В опубликованной в 1914 году в Оренбурге (задолго до появления труда С.Максуди) книге «Милләт вә миллият» Д.Валиди пишет о «миллият» как о синтетическом единстве: «Ул хәлдә миллиятне “кан, дин, тел, гадәт вә ганганә кеби эсасларның берлеге сәбәпле бергә жыелган бер жәмгыяте инсания” диеп тәгъриф итсәк, шаять ялгышкан булмамыз» – «В таком случае, мы не ошибемся, если мы будем понимать «миллият» как человеческую общность, возникшую на основе единства таких основ как кровь, религия, язык, обычаи, традиции»⁴. В этом же смысле понимает «миллият» и Г.Шараф: «Нәселләре бер, тарихлары бәйләнгән, телләре якын халыклар бер миллият тәшкил итәләр. Шул халыклардагы бер-беренәч якынлык тойгысы бер-берсе илә

(белән) бәйләнгәнлекләрен хис итүләре миллият дип атала» – «Народы, имеющее общее происхождение, историческую связь, близость языков, составляют одну нацию. Чувство близости друг к другу у этих народов, чувство связи друг с другом называется “миллият”»⁵.

С этой точки зрения, не всякое произведение, написанное на национальном языке, может быть идентифицировано как национальное. Национальным оно становится лишь тогда, когда пробуждает в читателе чувство национальности («миллият тойгысы»), когда в системе воспроизводимых в произведении ценностей наиболее значимыми для него образы, концепты резонируют с его внутренним миром.

Для понимания отношений между литературой и идентичностью важно и другое. Литература не просто выражает национальную

идентичность в образах, мотивах, концептах, но и формирует ее. Так, созданный И.С.Тургеневым национальный тип женщины (тургеневские девушки), воплотившийся в характерах Лизе Калитиной («Дворянское гнездо»), Натальи Ласунской («Рудин»), Елены Стаховой («Накануне»), Вере Николаевне («Фауст») и др., не был отражением явления, существовавшего в российской социальной жизни, а творчество Тукая, например, не может восприниматься исключительно как отражение национального мира: Тукай не только часть татарского мира, но и, одновременно, гений нации (своего рода, пассионарий), который этот мир создавал (такова, в принципе, миссия национальных гениев: они выступают как творцы национального мира (культуры), определяя на многие десятилетия векторы его развития).

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 Бухараев Р. Бесконечный поезд: Избранные стихи и поэмы. – Казань: Магариф, 2001. С. 10.

2 Там же. С. 14.

3 Там же. С. 24.

4 Вәлиди Ж. Милләт вә миллият // Жамал Вәлиди: әдәби һәм тарихи-документаль жьентык (Джамал Вәлиди: литературный и историко-документальный сборник). Казан: Жьен, 2010. С. 41.

5 Жан Шәрәф. Ничек аңларга?// Аң. – 1914. № 2. С. 40.

Сведения об авторах: Ибрагимов Марсель Ильдарович, кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, e-mail: mibragimov1000@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам идентичности с различными литературами.

Ключевые слова: национальная литература, национальная идентичность, литературоведение.

Abstract: The article is devoted to problems of identity with various literatures.

Keywords: national literature, national identity, literary criticism.

ОБРАЗ КАЗАНИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА И ЛИДИИ ГРИГОРЬЕВОЙ

А.Ф.Галимуллина, доктор педагогических наук

Казань является одним из любимых тем для татарских и русских поэтов. Традиционно образ города связывается с представлениями о Казани как об одном из крупных учебных, научных, культурных центров России. Современные татарские поэты Р.Харис, Н.Гамбар, Р.Файзуллин, Р.Миннуллин и другие посвящают Казани стихи, поэмы, оратории, где Казань предстает как центр духовной жизни татар (город поэтов, композиторов, ученых, студентов), любимая родина, город-труженик, город с богатым героическим прошлым. Это родина Г.Р.Державина («О, колыбель моих первоначальных дней...») и Равиля Бухараева, который озаглавил один из своих сборников знаменательно «Казанские снега», выразив пророческое желание, которое, к сожалению, уже исполнилось: вернуться в них в конце жизни.

В данной статье мы сопоставим поэтическое воплощение Казани в творчестве двух известных поэтов Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой, чья жизнь и творчество связаны с Казанью, не только первыми поэтическими публикациями, но и творчеством, и воспоминаниями, и друзьями, и какими-то тончайшими линиями, которых на первый взгляд и невидно. С некоторого времени эти два поэта, две масштабные Личности воспри-

нимаются мною в неразделимом единстве, и не только потому, что их помимо творческих, связывают еще и узы Гименея и удивительная духовная близость!

Если образ Казани в творчестве Равиля Бухараева, овеян чувством раскаяния, какой-то невыразимой вины перед своей далекой родиной, то для Лидии Григорьевой – это новый город, город ее юности, первых студенческих впечатлений, как она любит говорить: «Родина ее стихов». И если в поэзии Равиля Бухараева Казань становится лейтмотивной темой уже в зрелом возрасте, то у Лидии Григорьевой мы можем даже попытаться проследить его некую эволюцию – от юношеских стихов, в которых представлены поэтические зарисовки привычных для всех и даже будничных казанских реалий, в которых юная поэтесса находит необычные образы, до предмета ее поэтических сновидений, где она дает волю своей неумной фантазии.

Показательно, что многие свои юношеские стихи казанского периода Лидия Григорьева опубликовала в сборнике «Поэзия сновидений: стихи, которые приснились» (СПб.: Алетейя, 2015. 112 с.). Романтический образ Казани Лидии Григорьевой, став знаменитой песнью «Магазин «Цветы», исполняемой Софией Ротару, знаком многим ме-

ломанам 1970-х годов. Автор мелодии этой песни известный композитор Давид Тухманов.

Стихотворение начинается нарочито прозаически и буднично, не предвещая ничего романтического: «морозный вечер», «Сырой цементный старый магазин», замершие продавщицы, освежающие замершие хризантемы. Поэт нагнетает ощущение промозглого холода, которым окутан город и душа лирической героини. Ряд эпитетов: «желтоватых», «намокших», «грустных» «грузных», «желтых» хризантем соответствует поэти-

ческой характеристике города: «И шла потом по улице *пустынной*, / И шла потом по улице *вечерней*...». Образ легкого снега из припева песни внушает оптимизм и радость (он «кружился» и «...радовал прохожих») «легкий», «тишайший» снег, который сравнивается с цветочными лепестками («на лепестки похожий»). Этот снег внушает оптимистические надежды на счастье, хотя в самом стихотворении-песни отсутствует однозначно счастливый финал, все же он и не отвергается:

*И вдруг – о, это было так внезапно,
О, это было так внезапно,
Я так давно не видела тебя.
Ты шёл один, сутулясь и спеша,
О, это было так внезапно,
Я так давно не видела тебя.*

*Скользнул по мне заиндевелившим взглядом,
И стало мне неловко, оттого что
Подумать мог ты, будто подарили.
Подумать мог ты, будто подарили
Такой букет огромный. О, неправда!
Подумать мог, что дорог мне другой.*

Это стихотворение, ставшее впоследствии песней, на наш взгляд, может стать символическим ключом к казанскому периоду творчества Лидии Григорьевой. С одной стороны, им характерна точность в обозначении казанских реалий. На одном из творческих встреч Лидия Николаевна призналась, что она от Евгения Евтушенко получила урок точности и авторской ответственности за изображенное в стихотворениях.

В стихотворениях «Казань», «Эпилептик», «Мокро... Только ветер с пьяным отчаянием», «Сон» не только названия свидетельствуют о казанских впечатлениях, но за замысловатыми поэтическими строчками угадываются очертания реального города. Так, в стихотворении «Казань» легкими штрихами нарисован город с древней историей. Только казанец может угадать башню Сююмбеки, о котором упоминается в стихотворении:

*Упоительный свет предвечерний
городских кратковременных сумерек.
Старой улицы четкий и черный,
не совсем современный рисунок.*

*Но опять и невольно, и слепо,
обнажает безумное чувство
тонкий шпиль, уносящийся в небо.
Совершенство. Нелепость. Искусство.*

В творчестве Л.Н.Григорьевой есть стихотворения, в которых только название, например, «Казанский вокзал» связывает его с одним из символов Казани. Здесь юную поэтессу больше волнует свое трагическое мировосприятие: «Когда не хочется ни думать, ни мечтать... / Единственно, что мне принадлежало: / *озера неба* медленно лакать, / *как блудная собака* у вокзала». Лирическая героиня юной поэтессы противопоставляет себя этому городу, обыденности и всему миру. Развернутая метафора, олицетворяющая эту устрашающую реальность, является в образе ночи-огромного устрашающего существа: «Мне не сгинуть, не сгинуть, не пропасть, / хотя рассвета ожидать безбожно, / когда ночная пагубная пасть / ко мне приблизит зубы осторожно». Она дает клятву верности самой себе, своей музе: «Я завтра же, конечно, отрекусь / от этого кощунства, как от пользы, / но – не умру, не вымру, не сопьюсь, / горда и неизменна, словно Польша».

*Я здесь не хотела бы жить:
здесь нет красоты и величия.
Дома, как в долгах и бесстыдстве,
в земле увязают по грудь. (...)*

В импрессионистическом описании города ощущается светлое настроение, город освещен мягким «упоительным» предвечерним светом (если быть точнее – вечерняя алая заря постепенно угасает, переходя в сумерки). Поэту удалось передать и своеобразную архитектуру Казани («Старой улицы четкий и черный, / не совсем современный рисунок...»). Город, устремленный ввысь символизирует шпиль башни Сююмбике: «тонкий шпиль, уносящийся в небо. / Совершенство. Нелепость. Искусство».

Казань, как и многие российские города, город контрастов. Это и университетский город, город студентов и знаменитый культурный центр, но в нем есть и другие реалии. Стихотворение «Эпилептик» (24 ноября 1966 г.) приподымает завесу и этой стороны жизни казанцев. Надо отдать должно, с каким тактом Лидия Григорьева повествует о своем больном ученике, которого она обучала в качестве учительницы специализированной школы:

*В тепле запотеют ладони,
кота я возьму на колени,
и мой ученик, эпилептик,
сыграет на аккордеоне (...).*

В ряде стихотворений, написанных в 1960-х годах, а позднее включенных в сборник «Поэзия сновидений» (2015) Казань предстает в причудливых сновидениях лирической героини. Этот прием позволяет создать метафорический, почти фантастический образ города. Например, в стихотворении «Мокро... Только ветер...» (Казань, апрель 1966). Здесь олицетворение позволяет создать яркие запоминающиеся образы: ветра («Мокро... / Только ветер с пья-

ным отчаянием / бьется головой о край тротуара. / И вдруг подло - как нож в грудь – / Г У Л !»). Одним из любимых образов в облике Казани у Л.Григорьевой можно назвать образ уличного фонаря, в данном стихотворении разыгрывается даже небольшая сценка с его участием. Метафорический образ «долговязового фонаря на одной ноге», догоняющего лирическую героиню, сменяется уже живописной картиной, толпы фонарей:

ГУЛ НАРАСТАЛ ...

Я выглянула на улицу, увидела:
со всех сторон сбегаются фонари,
ослепительно таращат одинокие глаза,
беспомощно отталкиваются от земли бликами,
чтобы сохранить равновесие.

ГУЛ НАРАСТАЛ...

Нарастал свет – фонари приближались.

ГУЛ НАРАСТАЛ –

был ветер и дождь -

САМОЛЕТ НАБИРАЛ ВЫСОТУ.

В стихотворении «Сон», датированном также, как и предыдущее 24 ноября 2016 года, также создается фантазмагорическая картина на фоне города Казани, создающаяся быстрой сменой образов: «трамвай на длинных ногах», человек в одежде (под одеждой не было кожи, / были нервы – синие, как от холода) / похожей на дурной перевод с английского, / силится понять, кто он такой», необычно употребленное

понятие «желтый дом», по отношению к зданию финансово-экономического института, который до сих пор покрашен в желтый цвет, создает двусмысленность восприятия: «Кроме того, мне навстречу из желтого дома / (там, кажется институт финансово-экономический) выходили чужие тайны с большими глазами / и взлохмаченной, детской еще головой». Неправдоподобность событий обозначается и метафорой

«выходили чужие тайны с большими глазами». Л. Григорьева употребляет необычные сравнения «Зеленый, похожий на таксу самосвал / читал стихи неизвестного поэта». В причудливом сне лирическая героиня не может найти смысла жизни, своего пути: «И на углу, где я обычно поднимаюсь к университету, / мне сказали, что я не туда иду, / что того, что ищу, не было и нету, / (и так во всем)», но нет определенности и в реальной жизни, поэтому стихотворение завершается риторическим вопросом: «Гитара вовсю изгалялась. / Кончался мой сон. / А что начиналось?»

Лирическая героиня Л. Григорьевой трагически одинока в Казани, как может быть, одинока и беззащитна только творческая личность, в то же время у нее есть единственное спасение и убежище – это ее поэзия, где она может примерить себе разные маски, спрятать свою уязвимость. Показательно в этом отношении стихотворение «Я поляя внутри, как контрабас», датированное: «Казань, октябрь 1966 год».

Лидия Григорьева снова поэти-

чески точна и выразительна. Она находит оригинальный образ, чтобы выразить свое поэтическое опустошение: «Я поляя внутри, как контрабас...», которое пронизывает все стихотворение как развернутая метафора, накапливая музыкальные образы-ассоциации: «могу гудеть чуть нервно, но солидно...», «в громозком, но красивом теле / гнезятся неуверенные звуки...», «стою в затишье и в пыли, / вдали от музыкантов и концертов...», «сползает лак...», «не мучает желанье заиграть...», «нотная тетрадь». Параллельно вырисовывается образ неопцененной поэтессы, которая ждет слов поддержки и одобрения: «я молю о снисхожденье вас», тактичной помощи в овладении поэтическим мастерством: «гнезятся неуверенные звуки, / чужие неталантливые руки / их объяснить когда-то не сумели...». Лидия Григорьева сплетает кружева стихотворений, объединяя их сквозными образами. Продолжая тему рассмотренного произведения в стихотворении «Нотная тетрадь» (1966), она разворачивает тему в новый поэтический рассказ:

Открыть тетрадь, в которой нет начала...

*Когда-то здесь мелодия звучала,
а я не знала. Что я знать могла?*

О, многое тогда скрывала мгла!

*Ночь южная, тревожная, большая,
мелодию и боль перемешала.*

Я плакала, как в дождь – небесный свод.

*Теперь уже никто не разберет
опавших листьев огненные ноты.*

*Но чудное, неслыханное что-то
сегодня вновь как будто прозвучало...*

А все тетрадь, в которой нет начала.

Не нарушая анализом обаяния стиха, отметим, что это стихотворение раскрывает нам содержание мелодий, которые звучат в душе лирической героини: «огненные ноты», «чудное, неслыханное что-то», которое вмещает и детские воспоминания, и девичьи грезы, и первые поэтические опыты. Инте-

ресно стихотворение «Казань. Глубокие двory...» (ноябрь 1967 г.), которое отражает и литературную обстановку в Казани 1960-х годов. В нем звучит призыв к псевдо-критикам о возможности свободного поэтического творчества: «О, дайте же ему домыслить, / и дайте что-нибудь сказать!».

*Казань. Глубокие двory
по горло завалило снегом.
О, будьте же всегда добры
наедине с сверхчеловеком!
О, дайте же ему домыслить,
и дайте что-нибудь сказать!
Ведь никогда не поздно свистнуть
и, пальцем тыча, указать.*

Стихотворение построено на контрастах: ироничное определение «сверхчеловек» соединено в одном предложении с призывом «Будьте добры». Горечь и разочарование звучат в строчках: «Ведь никогда не поздно свистнуть / и, пальцем тыча, указать».

В цепи зарисовок-миниатюр Лидии Григорьевой звучат, повторяясь мотивы уже рассмотренных стихотворений: в них и творческие искания, и поэтическая автобиография, вбирающая драматические реалии жизни молодой девушки в чужом городе: «Как мне выйти из этого круга?» (1971), «А с изменением погоды» (1966), «Стии мои! Чертовы карлицы...» (1966), «Начинается все с основ...» (1966).

Безусловно, в этих стихотворениях нет образа реального города, но в них запечатлена конкретная судьба юной героини, которая в этом городе обрела свой неповто-

римый поэтический голос и в благодарность за это, в своих многочисленных сборниках, изданных в типографиях разных стран мира, наряду с другими датами и географическими названиями, неизменно указывает и Казань конца 1960-х годов, таким образом, вписывая лирическую героиню ранних стихов в ткань поэтического образа Казани.

Свеобразным ключом к началу исследования специфики воплощения образа Казани в творчестве Рауля Бухараева стала его автобиографическая прозаическая зарисовка «Стеклянные цветы чужбины», в которой поэт размышляет об остром чувстве родины, детства, обостряющемся на чужбине. Запах черемухи, случайно повеявший из одного сада в Венгрии, напомнил автору о далекой родине. Р.Бухараев, размышляя о чувствах, воспоминаниях, вызванных запахом черемухи приходит к выводу

о том, что человек даже на лоне прекрасной природы, наслаждаясь свободой духа, творчества, даже в достатке, но вдали от родины, ощущает себя сиротой, чужим для всех, не понятным до конца. Поэт отмечает: «Ощущение сиротства – непреодолимость его в земной юдоли. Родина и чужбина: сад осенний, тебя не приемлющий, живущий собственной жизнью. Неприкаянность, случайность твоя в мире: где дом и кров твой?» Все эти ощущения утраты родного дома, языка щемящей болью пронизывают стихотворения Равиля Бухараева, что обуславливает существенное отличие его восприятия Казани по сравнению с другими поэтами, воспевающими Казань, не отрываясь от родины. Мотив сиротства пронизывает многие поэтические произведения Бухараева. Так, например, в авторском построчном переводе стихов, написанных на английском языке, одиночество лирического героя оказывается настолько глубоким, что даже его имя несет на себе оттенок «инаковости»: «Эхо этих строк потеряно в тумане./ Я вслушиваюсь в молчанье с прибрежного мола./ Я – и с Запада, и с Востока,/ но дом мой все равно слишком далеко./ Я вижу мглу, я слышу молчаливый зов,/ но разве я и сам потерялся? Ни в коей мере./ Осознанно бдителен, как настороженный зверь./ я чую только боль и пустоту, и сомненье, и страх./ Из всего, что я чую, можно составить список,/ если бы не молчанье, вторгающееся в мои уши,/ все остальное во мне очевидно и

понятно,/ остального себя я мог бы зажать в кулаке, этот мир странен и чужд, как мое имя «Равиль»,/ поскольку я выражаю совсем не то, что чувствую на самом деле».

Особенно остро трагическое ощущение утраты связи с Казанью, родиной воплощается в циклах «Милостыня родного языка» (венок сырого дыма) и «Казанские снега», в которых создается образ города детства «потерянного рая». Даже традиционное восприятие Казани как центра духовной жизни татар, в котором жили и творили великие классики татарского народа, окрашивается в грустные тона размышлениями о потере современным поколением родного языка, а значит, и непосредственной связи со своими корнями, своей историей. Лирический герой Равиля Бухараева оторван материально от своей родины, но всей душой стремится мысленно к ней, и в этом ему помогают произведения татарских писателей прошлого. В венке сонетов «Милостыня родного языка» он вспоминает поэзию Кул Гали, Тукая, Карахмета, Мухамадьяра, которые становятся залогом будущего процветания татарской поэзии и в тоже время в памяти лирического героя тесно переплетаются с образами улиц, рек и озер Казани: «Есть в озере Кабан заветный клад,/ Во глубине, среди сокровенной мглы,/ Мне златошвейной не узреть иглы,/ чтоб возродить узорных строчек лад». Здесь поэт вводит еще одну ассоциацию: Казань овеяна множеством легенд и преданий. Одной из

вечных легенд города становится легенда о золоте казанских ханов, брошенном на дно озера Кабан. В контексте стихов всего цикла мы осознаем, что это клад не столько материальный, сколько духовный.

Лирический герой вдали от родины остро ощущает свое одиночество, и в этой связи ему до боли близки такие простые, незаметные в обычной жизни детали, как «струенье дыма из трубы», «запах земли», «яблоко, одно на целый сад»: «Но тайна жизни стала мне ясней,/ Не зря топтался я в земной пыли:/ Мне возвращает память детских дней/ Струенье дыма, запахи земли,// Сад-огород и деревянный дом;/ И печка с красно-голубым огнем,// И – яблоко, одно на целый сад.../ Очнусь ли на чужбине среди дня,// (...) Ни дома нет, ни сада, ни меня:/ Немая память предана стократ». Тройное отрицание, выраженное частицей “ни” усиливает трагическое одиночество лирического героя. Как правило, в поэзии Р.Бухараева воспоминания о Казани, о детстве, помогают справиться с проблемами дня сегодняшнего. Казань предстает в разных временных пластах: историческое (противопоставляются героическое прошлое и порою жестокое, неумолимое настоящее Казани, а также личное (детство и взрослая жизнь и восприятие Казани лирического героя).

Размышления поэта приводят к трагическому осознанию, что утрата родины, языка, национальных ценностей ведет, в конечном счете, к потере своей индивидуальности,

а значит, и духовному исчезновению. Лирический герой сравнивает себя – представителя современного поколения татар, с древними героями, которые, несмотря на пытки, на насильное крещение сумели сохранить и донести до сегодняшнего дня свою культуру, свой язык, свои обычаи. И горьким упреком звучат для него риторические вопросы: «Как четки, перебрал свои года:/ Куда спешил я, поспешал – куда?/ Ты видела, душа, и рай, и ад.// Ты обрела покой – тебе пора./ Но все, что я любил еще вчера,/ вернется ли когда-нибудь назад?», или «Мухаммадьяра и Тукая речь!/ Зачем, рожденный, чтоб тебя беречь,/ Я побираюсь у страны родной?// Отчаянные чудеса творя,/ я сделал все, что мог, и все зазря:/ Весны не сделать ласточке одной».

Не снимая с себя ответственности за утрату родного языка, Равиль Бухараев поднимает острый вопрос для современного татарского народа о сохранении татарского языка и татарской литературы, а, следовательно, и татарской нации. Особенно это показательно, для человека владеющего более десятию языками, но утратившего свой родной. «В ушах – взамен родного языка/ Стоят стенанья. Самый черный мрак/ Сгущается в душе исподтишка:/ Обочь Казани кровью тек Булак./ (...)// Когда же разум смутен и угрюм,/ Я вспоминаю – в детстве, в тишине,/ Ни разу сна не отравляли мне/ Шум недоверья и злословья шум».

Читая стихотворения Равиля Бухараева, начинаешь по-новому

смотреть на традиционные вещи, на привычные с детства улицы Казани, острее ощущать свою ответственность за сохранение татарского языка и культуры. И хотя доминирующим настроением в поэзии Бухараева, посвященном Казани, является грусть, но грусть его «светлая», потому что он любит свою родину, он всей душой стремится к ней, поэтому часто в стихах о Казани появляется образ дороги, которая обещает желанную встречу. В стихотворении «Бесконечный поезд» тесно переплетаются образы дороги, чистого, но холодного снега, до боли знакомых белых берез родины, бесконечного поезда, мчащегося через века и космические пространства на ро-

дину, к Казани: «Призываю тебя,/ Пролетая навывлет лесами,/ Призываю, зову,/ Пополом разрезаю поля!// Поезд мой бесконечный,/ И тысяча лет до Казани,/ Зимняя тысяча лет от нельзя до нельзя...// Здравствуй, родина, снег мой!// До свиданья, уходим.../ Ничего не находим, – только березы чисты (...)! Летят поезда через снег.../ День и ночь, день и ночь, день и ночь –/ Как знакомо!/ От себя, от себя, от себя –/ Нескончаемый бег!».

Таким образом, два замечательных современных поэта Равиль Бухараев и Лидия Григорьева внесли значительный вклад в создание поэтической летописи Казани, каждый создав свой, оригинальный образ.

Сведения об авторе: Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru.

Аннотация: Автор рассматривает образ Казани в творчестве известных поэтов Р.Бухараева и Л.Григорьевой, чьи жизнь и творчество связаны с родным городом.

Ключевые слова: Казань, город контрастов, Лидия Григорьева, Равиль Бухараев.

Abstract: The author considers the image of Kazan in the works of famous poets R. Bukharaev and L. Grigorieva, whose life and work are connected with their native city.

Key words: Kazan, the city of contrasts, Lydia Grigorieva, Ravil Bukharaev.

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА

Р.Ш.Сарчин, доктор филологических наук

Первое, что обнаруживается при чтении книг Николая Алешкова, это то, что в них то и дело сквозят реалии жизни самого автора, не раз упоминается его ушедшая в небытие родина – село Орловка, на месте которой высится своими многоэтажками город Набережные Челны. Будто своим произведениям поэт намеренно придает частно-биографический характер, что в нынешнюю эпоху модных суждений о всемирной глобализации, давно уже прозвонивших уши, может быть поставлено автору даже в укор: мол, местечковость, узость. Но, признаться, как тепло становится душе, как она просветляется, когда оказываешься в своем родном местечке, «гнездышке», вдали от лязга и грохота шумного мегаполиса. Хотя в «частности» как раз Н.П.Алешкова и не обвинишь. В его лучших стихах частное переплавляется в эпохальное, эпическое, поэтическая автобиография становится биографией целого поколения, отражает судьбу страны.

Событие рождения в стихотворении «Год рождения» дано на фоне «весело поющих» ветров и звезды, аллегорично относящей к Рождественской Звезде, возвестившей миру о рождении Христа, на фоне даты, имеющей глобальное значение для всего мира, – года Великой Победы. Так вроде бы частное со-

бытие выносится на пространства всемирно-исторического времени, масштабируется, эпизируется. Рождение поэта оказывается сродни рождению Пророка, большому историческому событию.

Свою эпичность произведения Н.П.Алешкова обретают и благодаря соотношению с чужим, хотя и не заемным, жизненным и духовным опытом. Многие из них освящены высоким именем С.А.Есенина. Стихотворение, одним из которых открывается книга «Сын Петра и Мариши», посвящено его памяти. Не случайно, оно – в ее начале: поэт как бы дает понять, что С.А.Есенин – один из истоков его поэзии. Мощное влияние старшего собрата порой сбивает даже такого зрелого поэта, каков Н.П.Алешков, под «есенинский» шаг. Правда, это бывает крайне редко, и даже в таких случаях тяжело говорить о каком-либо подражании. Важно другое: общность поэтов, отражающих в изгибах собственных судеб судьбу деревенской России, «сквозными» думами о которой проникнута их поэзия. Потому и близок так Н.П.Алешкову «есенинский» мотив возвращения на «малую» родину, что это и им пережитый «праздник возвращения // к родной бревенчатой избе», к своему истоку. С.А.Есенин дает поэту возможность прозреть в мире свое,

кровное, избавиться от всего наносного.

Н.П.Алешков с гордостью пишет о своем крестьянском происхождении. Один из пронзительных мотивов его творчества – память рук (стихотворение «Сенокосе»). Думаю, стихи Николая Петровича – от памяти рук по деревенскому труду. Повезло поэту – Бог наделил его даром писать стихи, что позволило «компенсировать» крестьянский труд поэтическим. А вот многим современникам, в свое время массово устремившимся в города, – нет. Не здесь ли кроется причина повального пьянства в России, не от тоски ли по настоящему делу? Хотя сейчас это уже в крови, перешло молодому поколению от их отцов. Тоски у него уже и нет вовсе, как, кажется, нет и чувства родины. Как-то я задал своим студентам вопрос, кто из деревни? С явной неохотой и даже стыдом поднимались руки...

Родина – основа поэтического мира Н.П.Алешкова. В стихотворении «На родине» оно органично воплощено в понятии двор, первоначально обозначающего крестьянский дом со всеми его постройками. А в последней строфе понятие двора-дома вырастает в большое понятие Родины, где душа поэта училась открытости миру, добру. Здесь фразеологизм быть ко двору очень удачно ставит «дом» в один ряд с такими категориями, как мировосприятие, духовное родство, добро, понимание, делая одним из нравственных ориентиров поэта.

Деревенское происхождение Н.П.Алешкова накладывает свой

отпечаток и на характер его поэтического слова, творчества, раздумьям о которых посвящены многие страницы книг автора. Тропика поэта как нельзя лучше обнажает крестьянские истоки и сущность его поэзии, которая прежде всего в ее искренности, исповедальности, открытости миру, в творческой устремленности к его претворению.

Обращение к теме поэта и поэзии само по себе уже есть свидетельство рождения мастера, осознающего творчество делом всей жизни. Эта традиция укоренилась в русской поэзии еще со времен А.С.Пушкина – первого профессионального поэта в России, стремившегося осознать суть поэтического творчества и предназначение поэта. Так что и здесь Н.П.Алешков в хорошем смысле «традиционный» поэт. В сегодняшние дни огульных отрешиваний от своих корней это должно быть лучшим комплиментом поэту.

Говоря о крестьянских истоках поэзии Н.П.Алешкова, стоит помнить и о том, что они – еще более древние, уходящие в ветхозаветное прошлое. Поэтическое слово приравнивается к действию первого человека Адама по названию всего и вся в мире. А ведь называть вещи своими именами – значит, прозревать их суть, истину, что часто и метко удается Н.П.Алешкову во многих его творениях, что, безусловно, указывает на мастерство поэта, переживающего в настоящий момент пик своего творческого развития.

Мастерство Н.П.Алешкова можно продемонстрировать примерами из разных уровней поэтики его стихов. В связи с этим мне представляется важным обратиться к ключевым образам поэзии автора. А они – вполне традиционные: гроза, дождь, береза, звезда. Несмотря на их «разработанность» в русской и мировой поэзии, Н.П.Алешков не боится обращаться к ним и каждый раз дает свои поэтические находки, свое видение и понимание этих образов, давно ставших «классическими».

В стихотворении «Надо мною бродят тучи...» гроза соотносится со стихами о любимой и становится грозой-любовью. Здесь сопряжение грозы-стихии, отсылающей к Ф.И.Тютчеву, с индивидуально-творческим сравнением ее с клубящимся «валом нефтяным» рождает неповторимо-авторское видение мира, в центре которого – человек.

Еще в начале творчества Н.П.Алешков наградил дождь эпитетом «тугие». Позднее этот образ ляжет в основу метафоры, выражающей раздумья о «размытой» судьбе человека. Эта же линия размышлений продолжится в «Дождливом лете», где уже сам дождь становится «бродягой беспутным». И, наконец, «беспутность» дождя обернется в позднем стихотворении беспутностью времени, которое можно, как то сделала в своих стихах Инна Лиснянская, сравнить разве что с мировым потоком. Стихи Н.П.Алешкова созвучны с мрачными предчувствиями современницы.

Кажется, и о березах после С.А.Есенина и Н.Рубцова писать у нас вообще невозможно. Но поэты вновь и вновь находят свои грани этого образа. Удалось это и Н.П.Алешкову в его осмыслении самых больших дум о родине. У него – самая что ни на есть родная береза, посаженная когда-то отцом в честь Победы у ограды родного дома («На родине»). Она – ровесница самому поэту, рожденному в 45-м, оттого еще более близкая. Но время не щадит никого – и вот уже и родимая береза «исхлестана» дождями времени. Тем не менее, на последнем краю светлеет березка-вера, березка-надежда в силу, в величие жизни.

В стихотворении «Душа» идеальные образы березки и звезды, как ее нравственные ориентиры, сливаются, напоминая о самом любимом человеке. К звезде у Н.П.Алешкова самое трепетное отношение. В раннем стихотворении «Начинается мир за порогом...» она названа «недотрогой». Звезда – это тоже вера и надежда поэта. В стихотворении «Как в разлуке о сыне...» она обещает любовь. В другом – бесконечность пути познания истины («Звездной пылью проносится Млечный...»). Но законы времени даже к недостижимой, казалось бы, звезде оказываются неумолимы. Однако звезда жива, покуда живы люди. Являясь, пожалуй, самым традиционным поэтическим символом, звезда у Н.П.Алешкова оказывается и самым выплаканным, выстрадаанным, вымоленным образом. Яркое

тому подтверждение – стихи из цикла «Две красные розы на белом снегу...», вершащего лирику поэта. Это – великое обретение человека, позволяющее ему в дальнейшем обращаться к звезде как к живому и очень близкому существу с самыми насущными вопросами, преодолевающими сомнениями, требую укрепления.

Высота звезды – небо поэта – делает ее символом бессмертия, надежды на вечное возрождение. И, кажется, эти надежды не беспочвенны. И звезда, и береза связаны с утверждением, утратой, поисками и новыми обретениями основ жиз-

ни и творчества, идеалов и, таким образом, являются важнейшими координатами ценностной системы поэзии Н.П.Алешкова.

На уровне словоупотребления мастерство поэта обнаруживается, прежде всего, в афористичности стиля его произведений. Короткие и емкие стихи, в которых находят воплощение самые зрелые и мудрые мысли автора, делали бы честь любому маститому, признанному поэту. Обойтись без афористичного слога поэт никак не может: такова у него «души перегружка», не дающая ему покоя.

Сведения об авторе: Сарчин Рамиль Шавкетович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Камского научного центра Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, член Союза писателей РТ, e-mail: rsarchin@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена творчеству известного татарстанского поэта, лауреата литературной премии Г.Р.Державина Н.П.Алешкова.

Ключевые слова: Родина, тема поэта и поэзии, Ф.Тютчев, Н.Рубцов, С.Есенин.

Abstract: The article is dedicated to the work of the famous Tatarstan poet, laureate of the literary prize of G.R. Derzhavin – N.P. Aleshkov.

Key words: Motherland, poet and poetry, F. Tyutchev, N. Rubtsov, S. Yesenin.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ПРОЗЫ И. АБУЗЯРОВА

А.Н.Набиуллина, аспирантка Казанского федерального университета

На современном этапе, отличающемся полилингвизмом, интенсивностью межэтнических контактов, усиливаются процессы взаимодействия культур, которые имеют диалогический характер и отражаются в литературе, порождая пограничные явления в историко-литературном процессе. В связи с этим интерес представляет творчество русскоязычного писателя И.А.Абузьярова, в прозе которого обнаруживается взаимодействие традиций русской, европейской и восточной культур, истории и фольклора, «своего» и «чужого». Это взаимодействие проявляется на уровне сюжетно-композиционной структуры произведений, их пространственно-временной и субъектной организации, образной системы.

Проблема взаимодействия разных национальных традиций в эстетическом поле русскоязычной литературы, статус которой вызывает дискуссии в современном литературоведении: русская эта литература или нерусская (русскоязычная), представляется актуальной. Особое значение она приобретает при изучении литературы, которая развивается в условиях соседства разных этносов в пределах одного государственного образования.

С точки зрения В.С.Библера, диалог культур – это ситуация столкновения принципиально несводи-

мых друг к другу «культур мышления, различных форм разумения»¹. «Диалог культур» не является понятием абстрактной культурологии, но философии, стремящейся осмыслить глубинные смещения культуры. На рубеже XX – XXI вв. – это проективное понятие современной культуры. Время диалога культур – настоящее (в его культурной проекции на будущее). Диалог культур есть форма (возможной) культуры XXI в.»². В связи с этим необходимо отметить особый интерес современных писателей к синтезу различных культур в своем творчестве. Одним из таких писателей является Ильдар Абузьяров.

И.А.Абузьяров – автор романов «ХУШ», «Мутабор», «Агробление по-олбански», «Финское солнце» и нескольких сборников рассказов. Он начал широко печататься с 2000-ых годов. В настоящее время имеет около 30 публикаций в толстых литературных журналах и альманахах: «Юность», «Сноб», «Вавилон», «Дружба народов», «Октябрь» «Знамя», «Новый мир», «День и ночь». Лауреат «Пушкинской премии» (роман «ХУШ»). В 2006 году сразу два рассказа – «Почта» и «Мавр» – вошли в шорт-лист премии им. Юрия Казакова. Роман «ХУШ» также вошел в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга». Роман «Агробление по-олбански»

– финалист Бунинской премии. Роман «Мутабор» – финалист премии «Национальный бестселлер» и лауреат Катаевской премии³.

Многообразие культурных кодов и их интерпретации в прозе И.Абузярова определяют необходимость выявления художественно-эстетической природы произведений писателя, особенностей создаваемой в его произведениях картины мира.

Особенно заметна поликультурность ранних произведения автора. Сам писатель в одном из интервью говорил: «Если сравнивать мое творчество с деревом – то это пока карликовое дерево, которое к тому же растет как-то кособоко, вкривь как-то. Думаю, это из-за бракованного семени. На каком-то этапе в языке генетического кода произошел сбой, и дальше все от этой неправильности растет по нарастающей...»⁴. Говоря о генетическом коде, писатель имеет в виду культурный код. К примеру, в цикле «Сказки мордовского леса» мы встречаемся со столкновением культурных традиций разных народов – мордвы, русских, татар и других, которые являются своеобразным ключом к пониманию смысла произведений.

В рассказе «Корильные песни» (2002 г.) повествуется о свадебном мордовском обряде. Незатейливый сюжет о свадьбе несет в себе множество поликультурных включений. Здесь и невеста с армянским именем Карина, и ее родственники – матушка с русским именем Пелагея, и брат Вася, и гости раз-

ных национальностей, вскользь упоминаемые повествователем: Ривандивия, Атауальпа, Франсуаза, Крусифиция, Алехандра, Венера, Симона, Баутиста. Автор будто намеренно расставляет в повествовании различные культурные знаки – это и хохломской столик, подаренный молодым на свадьбу, и лапти на брате невесты Васе, и обращение жениха к Богу в православной традиции («Господи, спаси и сохрани!»), мнящего при этом себя «джигитом».

К примеру, матушка невесты, Пелагея, в одном из эпизодов угощает молодых кашей. При этом в мордовской обрядовой традиции действительно было принято угощать невесту кашей, и этот обряд даже носит специальное название: «в Мордовии его называют *ям ярхцама*, *кашань ярсамо* – поедание каши или *ям кандома*, *кашань кандома* – принесение каши; у самарской мордвы он получил наименование *кашань урнеме* – причитания над кашей»⁵. Заметный след в свадебных обрядах мордвы оставили также языческие представления народа. Языческая культура как одна из культур, отражающая тесную связь человека с природой, отразилась в рассказе с помощью описанного обряда свадьбы старшего брата на «невесте» – дереве: «Да, этот странный запрет вступать в брак младшему брату или сестре, пока у старших нет семьи, и тут же мордовская смекалка плюс Священная роща, в которой для этого случая растут стройные или могучие деревья. Я вышел посмотреть

на Васину невесту, так сказать, платан в платке, но более всего меня поразил не сверкающий ее наряд, а лицо Васи, которое сияло еще пуще прежнего, и то, как он, хромя, обхаживал свою суженую. Видимо, ему нравилось заботиться о деревьях Священной рощи, тем более, он всегда с радостью делал это и теперь собирался делать всю жизнь»⁶. Изменение, которое происходит в сознании жениха Карины, при этом говорит о его принадлежности к другой культуре: «Я посмотрел на Васькину невесту в фате, на Каринку в том же, и вдруг у меня в голове родилась мысль, что девушкам вовсе не обязательно быть дочкой богатого сеньора или иметь мордашку, а достаточно облачиться в свадебное платье, ведь в свадебном платье они, как лягушки в крынке с молоком, – бей лишь ногами да ресницами»⁷. Однако по мере совершения свадебного обряда в «Священной роще» герой, который постоянно хочет украсть невесту и уединиться с ней, начинает ощущать такую же тесную связь с природой и единение, какие испытывают Вася с Кариной. Поклонение духам под сенью трехсотлетних дубов, завязывание платочков на деревьях приводят к тому, что герой начинает олицетворять деревья с живыми невестами и испытывать к ним симпатию: «А невесты здесь какие, у-у, пальчики оближешь, прохладные, тенистые, и какой от них исходит душисто-воздушный аромат, когда они прикасаются к глазам пальцами-ветками, и я понял, что сливаюсь с

природой, что я безумно люблю природу, люблю больше, чем даже свою машину...»⁸. Необходимо отметить, что повествователь напоминает о состоянии, в котором находится герой в момент слияния с природой («...мой язык не вязал и лыка»⁹). Возможно, с таким состоянием связано довольно сбивчивое повествование, закольцованный сюжет и постоянные переключения между происходящими событиями и воспоминаниями, размышлениями героя. Повествование часто напоминает, таким образом, поток сознания героя. Лишь протрезвев, герой начинает сомневаться в «живости» невесты Васи, который утром отправляется кормить свою невесту водкой, хлебом и кашей.

В финале герой, сомневающийся уже и в живости невесты – дерева и своей собственной, совершает странный поступок: он крадет Васину невесту и сажает ее рядом с собой за столом, наливает ей «чарку» и насаживает для нее маринованный грибочек на вилку. Этот поступок свидетельствует о принятии героем чужой культуры, слиянии с ней.

Таким образом, культурные коды в данном рассказе писателя определяют набор образов, которые связаны с комплексом стереотипов в сознании: матушка невесты Пелагея с зычным голосом, лапти Васи, хохломской столик, подаренный на свадьбу, обращения жениха к Богу – все это коды русской культуры, которыми отмечен рассказ, главным событием которого является свадебный мордовский обряд.

В рассказе также с помощью культурных кодов скрыто «культурное бессознательное – не то, что говорится или четко осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках»¹⁰, – это жених, ощущающий себя джигитом, его стремление похитить невесту – татарский культурный код, его конечное сакральное слияние с природой – код языческой культуры. Эти и другие культурные коды в прозе писателя, таким образом, являются своеобразными ключами к пониманию синтетического образа мира, который создается в произведении.

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1998. С. 104.
- 2 Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков // Новая философская энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/0958.html> (дата обращения: 21.09.2016).
- 3 Иванычева О. Писатель Ильдар Абузяров: «Заболачиваемость» жизни - проблема нашего времени. // Казанские ведомости. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://kazved.ru/article/71756.aspx> (дата обращения: 20.09.2016).
- 4 Демидов О. Буйно растущая омега // Esthesis. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://esthesis.info/literatura/bujno-rastushhaya-omela/> (дата обращения: 21.09.2016).
- 5 Корнишина Г. Свадебная обрядность мордвы // Зубова поляна. Историко-этнографический сайт. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-tradition-marriage.html> (дата обращения: 23.09.2016).
- 6 Абузяров И.А. Корильные песни // Журнальный зал. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/2/abuiaz.html> (дата обращения: 20.09.2016).
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Гильтебрандт П.А. Мысли о народной психологии // Филологические записки. Воронеж, 1864. С. 176. // Филологические записки. Воронеж, 1864. С. 176.

Сведения об авторе: Набиуллина Аделя Наилевна, аспирантка Казанского федерального университета, e-mail: scar-sky@rambler.ru.

Аннотация: Статья посвящена творчеству русскоязычного писателя И. Абузярова.
Ключевые слова: диалог культур, билингвизм, мордовский свадебный обряд.

Abstract: The article is devoted to the creative Russian-speaking writer I. Abuzyarov.
Key words: dialogue of cultures, bilingualism, Mordovian wedding ceremony.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА СВЯЩЕННОГО ДЕРЕВА «ТОПОЛЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ РУСТЕМА КУТУЯ

М.В.Небольсина, кандидат филологических наук

Образ священного дерева пронизывает все виды искусства и культуры древности, выступая как центральный образ мироздания, связывающий воедино человеческие поколения и поддерживающий непрерывные традиции.

Трудно назвать хотя бы один период художественного развития культуры, где бы ни встречалась тема священного дерева. Известно, что уже во французской пещере Ляско (XV тыс. до н.э.), в так называемой, Шахте мертвеца, присутствует древо: в сцене смертельно раненного человека быком появляется его изображение – как тоненькой вертикальной веточки, на которой сидит птица (душа, по мнению большинства ученых-искусствоведов). Этот факт заставляет думать, что древо участвует в ритуале воскрешения умершего и что оно проникло в искусство из реальной жизни.

С VIII века до н.э. в каждом греческом святилище было свое чтимое дерево, вокруг которого развивался культ. У всех деревьев были свои корни: ива в святилище Геры на о. Самос, дуб Зевса в Додоне, лавр Аполлона в Дельфах, платан Менелая в Аркадии и др. Об этом свидетельствуют многочисленные античные источники (Гомер, Геродот, Теофраст, Плутарх, Павсаний и др.).

У многих европейских народов (греков, римлян, германцев, кельтов и др.) существовал культ священных рощ или деревьев, чаще всего таким деревом был дуб. Такой же культ дерева существовал в древности у кавказских, азиатских и африканских народов.

Современная новогодняя елка с нарядными украшениями – это остаток традиции поклонения священному дереву, на которое в качестве жертвоприношения вешали кусочки ткани, ленты и т.п.

По представлениям предков татарского народа, на ветвях священного дерева сидят божества. Этому дереву приносили жертву, приходили к нему за помощью и советом. Вероятно, поэтому, по мнению Р.Х.Шаряфетдинова,

на татарских кладбищах высаживают большое количество деревьев, так как считается, что они, шелестя листьями, восхваляют Аллаха. «Агач башы тэсбих итэ» – «вершина дерева восхваляет Всевышнего»¹.

Восхищенное поклонение, почитание деревьев встречаются практически у всех народов и восходят своими традициями в далекое прошлое. Все древние цивилизации мира прошли через веру в так называемое «Космическое древо», или «Древо жизни», «Древо рода» – символ всего живого.

К примеру, в поэме XIII века Кул Гали «Кысса–и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») основатель рода Йакуб отождествляется с раскидистым высоким деревом, а его двенадцать сыновей – с двенадцатью его ветвями².

Упоминание о «древе рода» встречается в литературе разных народов. Например, в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» люди, узнав о смерти единственного сына героя, утешают: «Ветка обломалась – не беда, главное, чтобы ствол чинары остался цел», где сын – обломавшаяся от ствола – отца и матери – ветка³.

Башкирский писатель Мустай Карим в повести «Долгое-долгое детство» вспоминает старый дуб, росший рядом с его домом, и отождествляет его со стволом жизни своей семьи: «...но дерево уже не дерево, а моя Старшая Мать... незыблемый ствол этой жизни, и потому стоит она спокойно и надежно, будто неведомы ей печаль и страдания, старение и смерть, только мягкая улыбка на лице...»⁴.

Дерево само по себе – природная примета динамического роста, жизненной силы, сезонной смерти и регенерации. Символика конкретного дерева, разумеется, во многом определяется его породой. Так, дуб является обозначением мощи и долголетия, персик – бессмертия, олива – мира. Пальма, пальмовая ветвь издавна является знаком победы, осина – предательства, а кипарис – эмблемой смерти и печали.

Символом высоты человеческого духа, его стремления к свободе и счастью является тополь.

Согласно Павсанию, спартанскому полководцу эпохи греко-римских войн, тополь занес из Эпира в Грецию Геракл, а по римской легенде, герой украсил голову ветками тополя после того, как убил великана Какоса в его логове на Авентинском холме в Риме. Ото лба Геракла исходил такой жар, что изнанка листьев побелела.

По другому древнегреческому мифу, боги превратили в тополь плачущих по убитому брату нимф, поэтому листья у тополей всегда грустно шелестят.

Индейцы считают, что многие их современные беды случились оттого, что они недостаточно уважали одно из своих священных деревьев – канадский тополь.

У бурят тополь – священное дерево. Тополиными дровами запрещалось топить печки и жечь костры.

Проживающие на северо-западе Китая уйгуры поклонялись тополи. Если им во время поездки верхом по пустыне случалось увидеть дерево, то они обязательно слезали с лошади и совершали поклонение ему.

Тополь аристократически строен и прям. Его статность, устремленность ввысь являются его отличительной чертой – не случайно он становится одним из любимых, священных, образов в творчестве Рустема Кутуя. Поэт сравнивает его с кораблем двора, находит для него поэтические определения:

«лунный тополь... морозно светел», он «струится ввысь великолепен», уходит «ввысь трубой». «Взвихренные мятежно» листья тополя он сравнивает с дымом, который ветер подбрасывает вверх «как яблоки».

Трепетание тополиных листьев создает непрерывно меняющуюся окраску, словно само дерево то светлеет, то темнеет, благодаря тому, что листья тополя имеют двойную структуру: снаружи листья блестяще-зеленые, будто отполированные, с внутренней стороны – матово-серебристые. Постоянное трепетание листы, открывающей то темную поверхность, то светлую изнанку, указывает как бы на двойственность самой жизни, на то, что изнутри она радостнее, светлее, чем снаружи.

Струящееся серебро тополя и золото луны зеркально отражаются друг в друге и создают невероятный эффект горящей в небе свечи:

*Час осени... Приходит дивный час.
Стихает ветер, и за красной баней
Высокий тополь – чистая свеча –
Струит негаснущее пламя*⁵.

Лунный тополь для Рустема Кутуя не просто поэтический образ – это волшебное дерево, которое, как машина времени, переносит его в прошлое.

Стоит только ему закрыть глаза, потереть рукой старую шершавую кору, прошептать сокровенные слова, и он снова возвращается в старый двор на улице Комлева:

«Старый тополь рос на нашем дворе, морщинистый, одинокий. Умирили ветви, оставляя листья земле, но из древесной мощи выходили новые зеленые лезвия с клейкими листочками и горькой корой. Погибшие сухие сучья срубали, но тополь продолжал жить в какой-то мучительной, непостижимой жажде устремления вверх к сияющим небесам»⁶.

Тополь встречал Рустема каждое утро с самого его рождения, здоровался, подрагивая веточками, вытягивался вверх. В пору весеннего цветения от его клейких почек исходило горьковатое благоухание. Дерево было словно живое существо – к нему Рустем прибегал в трудные моменты и в минуты радости, во время принятия серьезных решений и в минуты печали:

*Доверься тополю.
И пальцы перемазав
Зеленым клеем, напиши пером
Того, чего нашепчет разум.
Не вырубил подвоя топором*⁷.

Рустем Кутуй словно срастается с тополем. Он чувствует свое родство с ним, ощущает себя его ветвью, начинает шуршать листьями, и у него получается! Тополь отвечает Рустему на зов и подкрадывается к нему поближе, цепляясь ветвями за раму.

«–Наклонись ко мне, дерево! – прошу я. И оно покорно скользит по стеклу...»

Ночью он точно ощупывает стену дома, протягивается во всю ширь. Должно быть, думаю я, ищет пути ко мне – щели в камнях»⁸.

Прошли годы. Тополь спилили, и просторный пенёк, оставшийся жить на земле, ещё долго бережно хранил свои годовые кольца. Они постепенно гасли, тускнели, уходя воронкой в глубину земли, забирая с собой старые тайны.

И жизнь своих героев Рустем Кутуй нередко связывал с жизнью тополя. Например, в рассказе «Старый тополь» по соседству с главным героем, Ильей, растёт дерево, которое под своими корнями хранит тайну подземного хода. Эти старые корни намертво сплелись, как ржавые змеи. Они торчат из земли, а сквозь поросшую мозолями шершавую кору выбивается клейкая молодая листва. Она тянется, как в молодости, к небу, выпуская молодые ветки с зелеными листочками. По утрам Илья здоровается с тополем: гладит рукой его бугристую кору, проводя пальцем по клейким от зеленого терпкого сока листочкам и вдыхая их запах. Тополь радостно встречает своего

друга шелестом листвы. Но проходит время, умирает Илья. А следом умирает и тополь... Так прервалась связь, связывавшая человека и дерево.

Прошло время. Давным-давно снесен старый флигель на улице Комлева, заасфальтирован и застроен дворик его детства, выкорчеван огромный пенёк, на месте которого рос «высокий тополь – чистая свеча». Но, воображаемый, он «пронзает, охватывает все мое существо, стоит передо мной жив-невредим. Он пережил сам себя, отбросил обветшалую древесность и превратился в некий условный символ, разгадывать смысл которого вряд ли возможно, не поранив коры жизни...»⁹.

Воображаемый тополь, который долгие годы простирал свои ветви над целым массивом жизни Рустема Кутуя белым восходящим пламенем листьев, стал своеобразным символом творчества, живущим в его произведениях.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Кул Гали «Кысса–и Йусуф». – Казань: Таткнигоиздат, 1985. 251 с.
- 2 Кутуй Р. Книги. Лист земли. – Москва. Современник, 1980. С.176.
- 3 Кутуй Р. Страна моя – детство. Рассказы и повести. – Москва: Советская Россия, 1978. С.16.
- 4 Кутуй Р. Песня вечерняя. – Казань: ТКИ, 1993. С. 63.
- 5 Кутуй Р. Узелки на древе. Такая жизнь. – Казань: ТКИ, 1986. С. 85.
- 6 Кутуй Р. Белое пламя лунного тополя // Казань. – 1993. – № 1.
- 7 Топоров В.Н. Древо жизни. Мировое древо / Мифы народов мира. – М., 1980.
- 8 Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. – М., 1936.
- 9 Шарьяфетдинов Р.Х. О мотиве «Древа/Дерева» в контексте тюркских литератур. Материалы Всероссийской научно–практической конференции «Проблемы филологии народов Поволжья». – М. – Ярославль: Ремдер, 2010. С. 281–282.

Сведения об авторе: Небольсина Маргарита Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Музея-мемориала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Национального музея Республики Татарстан, заслуженный работник культуры РТ, член Союза писателей РТ, e-mail: mvnebolsina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории развития образа священного дерева в культуре народов на примере творчества Р.Кутуя.

Ключевые слова: Священное дерево, тополь, Рустем Кутуй.

Abstract: The article is devoted to the history of the image development of the sacred tree in the culture of peoples by the example of R. Kutuy.

Keywords: Sacred tree, poplar, Rustem Kutuy.

СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПАРЕМИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Л.Ф. Самигуллина - Кассерта

Важнейшее достояние человека – это разум, сознание, только человек обладает абстрактно-логическим мышлением, которое осуществляется посредством языка. Языковое сознание индивидуума связано с понятиями картина мира, восприятие внешнего и внутреннего миров. Так же языковое сознание отражает индивидуальное самосознание и сознание группы, общества, нации. Задача данного исследования – процесс отражения американского общества, системы ценностей, мировосприятия через языковую структуру американских паремий.

Современные американские паремии были переведены со многих языков иммигрантов, населявших страну в различных частях США и в различные времена. Большинство традиционных американских паремий происходят из английского, французского, испанского и итальянского языков и часто имеют общие лексические корни с библейскими текстами, классическими текстами средних веков и Возрождения. В связи с этим довольно сложно выделить оригинальные американские паремии, отражающие американскую систему ценностей и мировоззрения. Например, популярные в США пословицы: «Don't throw the baby

out with the bath water», «The apple does not fall far from the tree» были заимствованы из немецкого языка. Так же популярны испаноязычные пословицы и поговорки, заимствованные из фольклора испаноговорящей общины. Например, паремия «Mi casa- su casa». Английские паремии, заимствованные из классических текстов, живут в активном употреблении в современной Америке. Например, «Love is blind», «The wolf may lose his teeth, but never his nature». В связи с таким разнообразием паремий в американском языке мы с трудом можем классифицировать истинно американские паремии, отражающие философию и мировосприятие американцев. Целью работы является анализ современных, оригинальных американских паремий в когнитивном контексте их употребления как отражение американского мировосприятия. Мы будем рассматривать материал двадцатого века как наиболее современный и актуальный.

Современные американские паремии отражают историю, национальный характер и философию жизни страны. Мы видим примеры исторических паремий «Paddle your own canoe», символически отражающих американскую независимость через ассоциацию с

известным фактом истории – пересечение реки Делавэр американскими революционерами под предводительством Джорджа Вашингтона. Паремии «Best defense is a good offense» иллюстрируют мотивацию и инициативу, характерные для американской психологии, «What is good for General Motors, is good for America» демонстрируют влияние бизнес монополий на внутреннюю политику, «Banks have no hearts» – экономический кризис двадцатого века, «Figures don't lie» – финансовую истину, основанную на фактах, «Garbage in, garbage out» – компьютерный мир. Таким образом, можно рассматривать исторические изменения американского общества через образное отражение мира в языке.

Уникальная группа паремий отражает историю расовой дискриминации в США. Большинство афроамериканских паремий служит иллюстрацией устной фольклорной традиции рабов из южных штатов Америки. Для исследования мы обращаемся к материалам сборника афроамериканских паремий «Racial Proverbs. A selection of the World's Proverbs arranged linguistically» (1973) Selwyn Gurney Champion. Анализ фразеологический единиц афроамериканской общины США показывает уникальный язык «черной» Америки. Особенно заметен южный диалект в паремии: «All roog people ain't black and all black people ain't roog» склонение глагола *быть* демонстрирует диалектическое фонетическое произношение. Фонетику языка рабов так же

иллюстрируют паремии «The rainbow might be better lookin' if twash't such a cheap show», «Rooster makes mo' racket dan hen w'at lay de aig», «Talkin' 'bout fire doen't boil the pot». Мировосприятие афроамериканской общины отражено в паремиях: «If you ask a Negro where he's been, he will tell you where he's going» иллюстрирует умение косвенно отвечать на вопрос и таким образом игнорировать собеседника. Взаимоотношения родителей и детей отражены в паремии: «Mothers raise their daughters and let their sons grow up», которая демонстрирует двойственные стандарты по отношению к дочерям и сыновьям.

Художественная литература, музыкальный фольклор и устные источники предоставляют богатую почву для исследований этой области паремииологии.

Мы предлагаем рассмотреть употребление паремий в творчествах американских писателей 20 века из южных штатов: Фланерри О'Коннор, Катрин Мансфилд, Д.Ф.Пуэрс. В отличие от классических писателей таких, как Шекспир, Боккаччо или Мольер, современные писатели не употребляют паремии в их прямом назначении.

Американские писатели двадцатого века Фланерри О'Коннор и Вильям Фолкнер использовали афроамериканские паремии в своих произведениях для воспроизведения уникального языка американского Юга. Так, например, в известном рассказе Фланерри О'Коннор «Good man is hard to find» паремия вынесена в заголовок истории и повто-

ряется главным персонажем неоднократно в течение повествования. В рассказе данная поговорка сначала используется в прямом понимании: сложно встретить хорошего человека – как критика современного американского общества. В развитии повествования поговорка принимает ироническую интерпретацию, главные герои вынуждены просить помощи у известного бандита, сбежавшего из тюрьмы, в результате все шесть членов семьи погибают от рук уголовников. Бабушка, чтобы избежать трагической участи, уверяет главаря банды в том, что он «хороший человек», невзирая на насилие и убийство, которые он совершал. Понятие «хороший человек» анализируется в течение всего повествования, в результате читатель приходит к выводу: в рассказе нет ни одного положительного героя, ни одного «хорошего человека». Таким образом, поговорка используется как зеркало конфликта с ироническим подтекстом.

Наиболее известные афроамериканские поговорки второй половины двадцатого века связаны с развитием телевидения и телевизионной популярной культурой, отражающей стереотипы «черной» Америки. Зарегистрированные поговорки «Different strokes for different folks» и «If the glove doesn't fit, you must acquit» впервые были употреблены адвокатом Джонни Кокраном во время известного суда над афроамериканским селебрити О. Симпсоном, обвиненном в убийстве и оправданном судом присяжных. Весь судебный процесс был по-

казан по трем основным каналам американского телевидения, таким образом, заключительная фраза адвоката получила огромную популярность и на сегодняшний день является оригинальной американской поговоркой.

Интересной областью изучения поговорок являются пословицы и поговорки американских индейцев. На сегодняшний день зарегистрировано около 200 поговорок, отражающих мировоззрение и философию американского индейского общества. Лимитированная база индейских поговорок обусловлена не историческими фактами, а необъяснимой загадкой отсутствия образного отражения мира в языке индейских племен. Зарегистрированные поговорки отражают устную традицию американских индейцев. Например, поговорка «The deer, though toothless, may accomplish something» в интерпретации обозначает – не делай поспешных выводов, основанных на внешности. Наиболее известными и часто употребляемыми американскими индейцами поговорками являются «When fox walks lame, old rabbit jumps», «The moon is not shamed by barking dog».

Современные ученые пользуются базой популярной культуры для сбора и анализа американских поговорок 20 и 21 веков. Кинофильмы, сериалы, песни и телевизионные шоу служат почвой для создания поговорок или переосмысления уже известных фразеологических единиц. Например, известная поговорка «Life is not a bowl of cherries» в современной песне звучит таким

образом: «Life is just a bowl of cherries». Как результат феминистского движения за половое равноправие противоположную интерпретацию получила известная средневековая поговорка «Woman's place is in a house», которая звучит сегодня так «Woman's place is in a House and Senate». Грамматические изменения традиционных поговорок отражают меняющуюся систему ценностей американского общества. Например, поговорка «Nobody is perfect» в современной интерпретации звучит и пишется: «No body is perfect», таким образом, акцентируется огромная роль внешности в американском социуме. Интересную трансформацию пережила популярная поговорка «Home is where the heart is», которая звучит сегодня по-новому «Home is where the computer is», иллюстрируя роль технологии в американском обществе. В 1999 году профессор университета штата Вермонт Вольфганг Мидер ввел в употребление термин «anti-proverb» – «анти-поговорка», которым он обозначил процесс переосмысления и намеренного употребления традиционных поговорок в новом, часто противоположном значении. В своем исследовании профессор Мидер обращает внимание на роль популярной культуры: кинофильмов, телевидения и социальных сетей в распространении современных поговорок в американском социуме. Мы согласны с утверждением, что средства массовой информации и социальные сети играют огромную роль в процессе популяризации современных

поговорок. В то же время благодаря новым видам сбора данных через социальные сети можно утверждать, что американцы продолжают активно употреблять поговорки и в устной, и в письменной речи для выражения своих наблюдений и жизненного опыта. Поговорки дают возможность образно отразить чувства и проблемы поколения через метафорический образ, в котором проявляется языковая реальность современного общества: новые технологии, виды спорта, глобальные проблемы. Например,

Crime doesn't pay.
Been there, done that.
The camera doesn't lie.
You can't beat (fight) city hall.
Another day, another dollar.
No guts, no glory.
You only live once.
Three strikes and you're out.
That's the way the ball bounces.
Winning isn't everything.
You can prove anything with statistic.

Влияние американской популярной культуры на мировое сообщество отражается в заимствованиях американских поговорок другими языками. Например, часто употребляемая американская поговорка: «It takes two to tango» широко употребляется в англоговорящих странах и в переводе на немецкий язык в Германии. Подобная адаптация произошла со следующими современными американскими поговорками:

A picture is worth a thousand words.

*An apple a day keeps the doctor away.
Good fences make good neighbors.
The grass is always greener on the
other side of the fence.
Don't put all your eggs into one basket.*

Можно предположить, что процесс прямого заимствования американских паремий будет продолжаться благодаря активному присутствию американской культуры в современном глобальном сообществе. Телевидение, популярная музыка, кинематография, социальные сети являются прямым источником для языкового влияния на действи-

тельность. Активное использование американского прилагательного *creative* вместо русского *творческий* в современном русском языке яркий пример такого заимствования, так же используются американские слова *quest*, как замена русских эквивалентов *конкурс, соревнование*.

Паремии отражают психологию носителя языка, и через заимствование пословиц и поговорок мы проникаем в сознание и ассимилируем с новой культурой.

Сведения об авторе: Самигулина-Кассерта Лилия Ф., старший преподаватель, государственный университет им. Ферриса, Биг Рапидс, штат Мичиган, США, e-mail: LiliaCaserta@ferris.edu.

Аннотация: В статье произведен анализ современных, оригинальных американских паремий в когнитивном контексте их употребления как отражение американского мировосприятия.

Ключевые слова: американские писатели XX в., паремии.

Abstract: The article analyzes the modern, original American paremia in the cognitive context of their use as a reflection of the American worldview.

Keywords: American writers of the 20th century, paremia.

ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

*А.М.Галиева, кандидат философских наук,
Э.Ф.Нагуманова, кандидат филологических наук*

Пространство и время – обязательные характеристики феноменов человеческого мира. В культурной и языковой модели мира пространство выступает не только как «вместилище», но и как условие непрерывности, протяженности, структурности, фактор сосуществования и взаимодействия элементов. Пространство в культуре не нейтрально, оно осмысливается как специфическое или уникальное *место*, в значительной мере определяющее сущность происходящих в нем событий. Характеризуя единство времени и пространства, М.Бахтин в 1930-е гг. ввел понятие *хронотопа*, которое подчеркивает, что пространство и время культуры всегда связаны с субъективными переживаниями, меняющимися в разных исторических эпохах и культурных ситуациях. Именно хронотопическое начало художественных произведений позволяет «выводить» фабулу и словесную ткань повествования на целостную картину мира, раскрыть общий философский и мировоззренческий подтекст произведения.

Художественное пространство всегда несет в себе черты реального мира, но может наполняться субъективными переживаниями героев. Характеризуя особенно-

сти пространственно-временного континуума, Ю.М.Лотман говорит о том, что «художественное пространство может быть точечным, линейным, плоскостным или объемным. Второе и третье могут иметь также горизонтальную или вертикальную направленность. Линейное пространство может включать или не включать в себя понятие направленности. При наличии этого признака (образом линейного направленного пространства, характеризующегося релевантностью признака длины и нерелевантностью признака ширины, в искусстве часто является дорога) линейное пространство становится удобным художественным языком для моделирования темпоральных категорий («жизненный путь», «дорога» как средство развертывания характера во времени)»¹.

У каждого этноса культурное пространство, созданное многовековой деятельностью, соединяет историческую преемственность и настоящее данного этноса. В силу специфики условий жизнедеятельности и особого отношения к осваиваемому и контролируемому пространству у тюрков, живущих в открытых степных просторах, образы пространственных ориентиров иные, чем у восточных сла-

вян, исторически живших в лесных регионах. Так, башкирская степь (*дала*) в повести А.Еники «Невысказанное завещание» символизирует свободу, природное начало и естественную нравственность, красоту. Произведение начинается описанием степи:

«Йомшак кына жэйге жил исэ... Дала буйлап кылганнар йөгэрэ, кылганнар йөгэрэ. Ефэк чукларын ешеш кына селкеп, акрын гына кыштырдап, бик тырышып һәм бик кабаланып йөгэрэ кебек алар... Колын булып уйнаклап, шул кылганнар артыннан чабасы да чабасы килэ. Дала буш, дала киң, жир жылыкай, шаян жилкэй биттэн сөя...»

Пространство здесь структурируется по горизонтали, что подчеркивается использованием серии глаголов движения, обозначающих быстрое перемещение по горизонтали (*йөгэрэ, чабасы килэ*), и примечательно, что глагол со значением бега использовано по отношению к неподвижному ковылю. Автором акцентируется свободное обширное пространство (*дала буш, дала киң*), символом свободы выступает жеребенок, игриво скачущий по степи (*колын булып уйнаклап*). Описание простора усилено введением сенсомоторных описаний – ощущения теплого дуновения ветра. Таким образом, степь выступает как место, полное движения и жизни.

Данный фрагмент в переводе Х.Хусаиновой выглядит следующим образом:

«Дует легкий ветерок... Стелется, несется ковыль. Потряхивая

шелковистыми метелками, с тихим шуршанием мчится вперед, суетливо и озабоченно, будто боясь опоздать куда-то... Не оторвать взгляда... Эх, уйти бы за седым ковылем далеко-далеко по необозримой пустынной степи. Земля под ногами теплая и ласковая, резвый ветерок треплет по лицу, покой и умиротворение проникают в душу».

В переводе больший акцент сделан на ковыль, а пространство степи идет как бы фоном, оно теряет свою связь с тем движением мысли, которое заявлено в оригинале.

Р.Кутуй в своем переводе вводит конкретную локализацию пространства (предуральская степь):

«Широка предуральская степь, широка и раздольна! Ласковый летний ветер пробегает из края в край, легкими пегими волнами колышется ковыльная степь, дышит покойно и глубоко... Душа обнимает вольную ширь, и сама будто ширится, тесно в груди ей. Хочется раскинуть руки и взлететь над этой неохватной степью стремительным ястребом, кружить и парить в выском, безоблачном небе, окидывая взором беспредельность... Или тонконогим шальным стригунком нестись по простору, догоняя волну за волной, отливающие матовым серебром под горячим полуденным солнцем».

Р.Кутуй структурирует пространство по разным осям: горизонтали и вертикали (чего нет в оригинале). В переводе существительные и прилагательные дают представление о неохватной дали и свободе (*степь широка и раз-*

дольна; вольная ширь, неохватная степь, беспредельность, простор). Вертикальная ось выстраивается за счет введения образов птиц и глаголов, обозначающих полет (*взлететь стремительным ястребом, кружить и парить в высокоом, безоблачном небе*).

Таким образом, в художественной литературе пространство природы, как правило, сознательно антропоморфизировано, основной его характеристикой является гармоничность и полнота. Однако в художественном тексте важны не просто картины окружающего мира, не описания сами по себе, а рождаемые ими мысли и чувства. У А.Еники описание пространства переходит в описание состояние души обобщенного созерцателя степи:

«Рэхэт, һэй, рэхэт тә соң!.. һәм ямансу. Нигәдер бик ямансу да шул! Шагыйрь әйтмешли, йөгереп уйныйсы, ятып елыйсы килә бу тын, буш, моңсу башкорт даласында!»

Если у автора душевное состояние созерцателя подпадает под концепт *моң*, который отображает настроения сердца, широкую гамму душевных переживаний, когда не отделяются резко друг от друга элементы чувства, познания и воли, они, наоборот, многообразно переплетаются и взаимно обуславливаются², то в переводе Х.Хусаиновой акцент сделан только на состоянии грусти:

«Здесь так хорошо!.. И грустно. Почему-то грустно. Оттого, может быть, набегавшись вволю по бес-

крайней, молчаливой башкирской степи, хочется припасть к земле и выплакать эту непрошеную грусть-печаль...»

Р.Кутуй дает собственное развернутое описание душевного состояния созерцателя, восполняя для русскоязычного читателя едва очерченный А.Еники культурный фон, на котором стоит оригинальное произведение:

«Хорошо! Ах, как хорошо и привольно здесь!.. И грустно! Отчего-то грустно... Не потому ли тихой печалью отзывается сердце, что нет у человека ни легких крыл, ни быстрых, неутомимых ног, чтобы унести его вслед за мятущейся, неукротимой душой, подобной ветру. Как говорят поэты, хорошо в безбрежной башкирской степи, светлой и печальной, всласть порезвиться, ликуя от восторга, а потом упасть на шелковые ковыли и, обнимая теплую, родную землю, разрыдаться, задыхаясь от безмерности и невыразимости чувств, переполнявших сердце».

В прозе А.Еники даются топоры реального мира (леса, степи, озера и т.п.), однако детали природного мира связаны с философскими размышлениями писателя и несут определенное символическое значение, опирающееся на фоновые знания читателя. Хронотоп как формально-содержательная категория во многом определяет и образ человека, поэтому в произведениях татарского писателя пространство природного мира охватывает все грани человеческого существования. Важная задача переводчика

– донести до представителя иной культуры все основные культурные смыслы, связанные с характером пространства, и разные переводчики избирают разные стратегии для этого. В частности, довольно скупое, едва очерченное в оригинале описание степи у А.Еники в переводе Р.Кутуя превращается в пространное лирическое отступление. Его переводы далеки от Еники, но тексты Кутуя поэтичны и обладают особой музыкальностью, которая бесспорно близка русскоязычному читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/index.html> (дата обращения 12.10.2016).
- 2 Подробнее см.: Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта «моң») // Ученые записки КФУ. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 2. С. 245–252.

Сведения об авторах: Галиева Альфия Макаримовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института прикладной семиотики АН РТ, e-mail: amgalieva@gmail.com; Нагуманова Эльвира Фирдавиевна, доцент Казанского федерального университета, кандидат филологических наук, e-mail: ehlviran@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям перевода на примере повести А.Еники «Невысказанное замечание».

Ключевые слова: хронотоп, Рустем Кутуй, культурное пространство, перевод.

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the translation by the example of A.Eniki's story "An unspoken remark".

Keywords: chronotope, Rustem Kutuy, cultural space, translation.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ Р. БУХАРАЕВЫМ

И.А.Еникеев, кандидат филологических наук

Равиль Бухараев – известный писатель, переводчик внес большой вклад в пропаганду достижений татарской литературы как на общероссийском, так и мировом уровне. Он переводил произведения татарских писателей не только на русский, но и английский и венгерский языки. Особое место в его деятельности занимали стихи и поэмы Г.Тукая, которые он начал переводить еще в 80-е годы XX века и несколько из них опубликовал в сборнике «Г.Тукай. Избранное» в 1986 году в издательстве «Художественная литература».

Мы затронем лишь основные принципы переводческой деятельности Р.Бухараева, которые ярко проявились на примере перевода стихотворения Г.Тукая «Яз». Р.Бухараев стремился почти к дословному переводу текста Г.Тукая и пытался сохранить оригинальный стихотворный размер и передать рифму Тукая. Мы видим те же 15 двусиший с конечными рифмами: ото сна – весна, напиши – души, тогда – суда. Сравним с Тукаем: яз (весна) – яз (пиши), аз – яз, карлар – парлар, томань – замань¹. Но сохраняя рифму Тукая, Р.Бухараев увеличивает длину каждой строки в среднем на половину. Причина в том, что он некоторые словосочетания Тукая передает пересказом, используя

большее количество русских слов, и в двух строках ему не всегда удается точно передать смысл некоторых оборотов Тукая. Во-первых, переводчик сокращает исходное смысловое поле в силу заданных технических возможностей поэтического языка, т.е. выбранной рифмы. Во-вторых, он сталкивается с проблемой лингвистических лакун или омонимов, когда в русском языке отсутствует адекватный эквивалент сказанному, и приходится использовать фразеологические обороты – аналоги.

Кстати, этой проблемой озадачивался и сам Г.Тукай, когда переводил стихи А.С.Пушкина или М.Ю.Лермонтова. Например, при переводе стихотворения «Яз» Р.Бухараев использует эмоционально и стилистически окрашенные эпитеты, которых нет у Г.Тукая, но они хорошо ложатся на заданную рифму. При этом обращает внимание на то, что подбор этих эмоциональных эффектов не случаен, и носит системный характер. Все эти слова соответствуют стилю сентиментального романтизма в русской поэзии XIX века. Для этого литературного течения были типичны сюжетные произведения на историческом или легендарном материале с мрачным колоритом. Если у Г.Тукая написано «начали таять льды и снега» (подстрочник. –

И.Е.), то у Р.Бухараева «Уже вокруг журчат ручьи весенней искренней поры». Читаем у Г. Тукая «над землей туман и пар... этот туман напоминает» (подстрочник. – И.Е.), а у Р.Бухараева видим «восходят синие пары и взору чудится тогда»². Еще более яркий пример: у Г.Тукая «куски льда оживают» (подстрочник. – И.Е.), а у Р.Бухарева «воскресают, несомы черною рекой, могильный позабыв покой!»³.

Насколько оправданно такое словесное украшательство и не исказил ли переводчик текст оригинала? В данном случае мы имеем парадоксальный случай, когда вольность переводчика помогла прояснить истоки происхождения данного стиха самого Тукая. Оказалось, что это вольный перевод Тукаем двух стихотворений В.А.Жуковского «Весеннее чувство» и «Приход весны» с использованием образов стихотворения М.Ю.Лермонтова «Воздушный корабль», написанных в стиле сентиментального романтизма. Прежде всего это лермонтовский корабль призраков, несущийся по волнам океана и связанный с календарным циклом.

*И в полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.
Из гроба тогда император,
Очнувшись является вдруг;
Идет и к рулю он садится,
И быстро пускается в путь»⁴.*

Сравните со стихотворением В.А.Жуковского «Близость весны»:

*На небе тишина;
Таинственно луна сквозь
тонкий пар сияет;
И в бездне голубой
Бесплотные, летая,
чаруя, оживляя
Ночную тишину,
приветствуют весну»⁵.*

Взгляните на следующие примеры. Стихотворение В.А.Жуковского «Весеннее чувство»:

*Что играешь, что светлеешь
очарованный поток?
Чем опять душа полна? Что
опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
перелетная весна?
Я смотрю на небеса... Облака,
летя, сияют
И, сияя, улетают за далекие
лесаб.*

А вот строки Г.Тукая в переводе Р.Бухараева:

*Пиши, ясней пиши, перо,
и пробуждается ото сна,
Ведь на земле уже давно весна,
лучистая весна!
Пиши, перо мое, пиши,
хоть пару строчек напиши,
Чтоб на бумагу перешли
волненья сердца и души...»⁷*

Взглянем на стихотворения В.А.Жуковского «Приход весны»:

*Зелень, нивы, рощи лепет,
Теплый дождь, сверканье вод, –
Вас назвавши, что прибавить?
Жизнь души, весны приход»⁸*

Аналогичные по смыслу строки мы видим у Г.Тукая:

*В напрасной ярости зима уходит
в стужу и снегах,
И шелковистая трава зазеленела
на лугах⁹.*

Знал ли Р.Бухараев об этом факте или сделал это неосознанно, но он подвел исследователей к мысли о том, что Г.Тукай был знаком с творчеством В.А.Жуковского и использовал его стихи в своем творчестве. На примере этих стихотворений проявляются принципы переводческой деятельности как сотворчества с другой национальной культурой или диалога разных культур. Подобное явление художественного восприятия инациональной литературы исследователь А.З.Хабибуллина называет эстетической интерференцией. Собственно, перевод является осознанным, рациональным звеном этого механизма. А другие уровни восприятия – критика, читательское усвоение, исследовательское истолкование первоначально развиваются в виде эмоциональных образов, бессознательного и спонтанного синтеза. Как в случае перевода Р.Бухараева. Исследователь отмечает, что «эстетическая интерференция в переводе Тукая вызвана воздействием национального сознания татарского поэта, влиянием художественно-религиозных традиций родной литературы»¹⁰.

Справедливо предположить, что первое восприятие самим Г.Тукаем произведений русской классики, включало в себя черты стихийной интерференции (усвоение), однако

в процессе переработки, предполагающей оценочное и более рациональное отношение к тексту, она перешла границы бессознательного и стала открытым выражением взглядов поэта. Тукай стремился передать все идейно-художественное богатство подлинников. Он не чуждался вносить в свои переводы художественные средства и фразеологизмы, присущие только татарской речи и добивался того, чтобы перевод не отличался от произведений самой татарской поэзии. Помимо этого, у Г.Тукая были переводы, далекие от оригинала, нередко переходящие в самостоятельные произведения.

Переводы, сделанные Р.Бухараевым, по сути это перевод перевода, раскрыли механизм творческого процесса великого татарского поэта и также показали сходство переводческих законов конца XIX и XX-го веков. Только у Р.Бухараева вектор творчества направлен в обратную сторону – от татарской к мировой культуре, с попыткой сохранить национальный колорит татарского менталитета в глобальном гуманитарном поле. В переводах Р.Бухараева отразились особенности творческого мира писателя «вмещающего в себя массу прямых и косвенных цитат, отсылок к классикам русской и восточной поэзии. Кто еще из послевоенного поколения поэтов столь умело и изысканно соединяет восточную метафоричность и европейскую ироничность, добавляя в палитру русской поэзии свойственные лишь Равилю Бухараеву краски?»¹¹. Широкая

эрудиция, знание языков и литературное мастерство способствовали тому, что литературные переводы Р.Бухараева стали оригинальным и самобытным явлением не только для татарской и русской, но и для мировой литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Габдулла Тукай. Сочинения в пяти томах: том первый. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. С.153.
- 2 Тукай Г. Избранное: Пер с тат. / Сост. Р.Бухараев. – М.: Худож. лит., 1986. С. 52.
- 3 Там же.
- 4 Лермонтов М.Ю. ПСС: Т. 1. – М.: Изд-во «Правда», 1953. – 424. С. 291.
- 5 Жуковский В.А. Сочинения. В 3-х т.: Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1980. С. 297.
- 6 Там же. С. 97.
- 7 Тукай Г. Избранное: Пер с тат. / Сост. Р.Бухараев. – М.: Худож. лит., 1986. С. 52.
- 8 Жуковский В.А. Сочинения. В 3-х т.: Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1980. С. 310.
- 9 Тукай Г. Избранное: Пер с тат. / Сост. Р.Бухараев. – М.: Худож. лит., 1986. –С. 53.
- 10 Хабибуллина А.З. Лермонтов в тюрко-язычном мире (к вопросу о диалоге литератур) // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Международной научно-практической конференции (27–30 июня 2012). – Казань, 2012. С. 265.
- 11 Бухараев Р.Р. Избранные произведения: книга стихов. – Казань: Магариф-Вакыт, 2011. С. 373.

Сведения об авторе: Еникеев Ильдар Ахнафович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, e-mail: eniki07@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности переводческой деятельности Равиля Бухараева.

Ключевые слова: Равиль Бухараев, перевод, Габдулла Тукай.

Abstract: The article analyzes the peculiarities of the translation activity of Ravil Bukharaev.

Keywords: Ravil Bukharaev, translation, Gabdulla Tukay.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 22.00.00 (социологические науки). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст - кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля - 2,5 см; левое поле - 3 см; правое поле - 1,5 см; отступ (абзац) - 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колоннитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательна проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть концевыми, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) - от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате ПДФ или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».